

Дэниел Брукс

Фестиваль «Протока 2025» Точка невозврата

ФЕСТИВАЛЬ
"ПРОТОКА 2025"
Точка невозврата

Дэниел Брукс

Оглавление

Глава 1. ТЕНИ УШЕДШЕГО ЛЕТА	4
Глава 2. БИЛЕТ В ПРОШЛОЕ	7
Глава 3. ПЕРВЫЕ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ	10
Глава 4. НАСЛЕДИЕ ОБМАНА.....	13
Глава 5. ПАУТИНА.....	18
Глава 6. НАСЛЕДИЕ РЕЙХА	21
Глава 7. БАЛКАНСКОЕ ЭХО	25
Глава 8. УКРАИНСКИЙ ФРОНТ	28
Глава 9. АНАТОМИЯ ЛЖИ	32
Глава 10. ЛИЧНАЯ ЦЕНА.....	35
Глава 11. ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ	38
Глава 12. ГАЛЕРЕЯ МОНСТРОВ.....	41
Глава 13. ПОДВАЛ ИНКВИЗИТОРА.....	46
Глава 14. ОСОЗНАНИЕ.....	50
Глава 15. ПЕРВЫЙ ЗАЛП.....	53
ЭПИЛОГ	56

Глава 1. ТЕНИ УШЕДШЕГО ЛЕТА

Папки на жестком диске назывались просто: «Лето 2011», «Лето 2012», «Беларусь 2013». Безликие имена для времен, у которых было лицо. Даже тысячи лиц. Я сидел в стерильной тишине своей московской квартиры, заваленной гаджетами и книгами по маркетингу, и прокручивал на тридцатидвухдюймовом мониторе то, что уже не существовало. Не просто прошло, а именно перестало существовать, как Атлантида, как библиотека Александрии. Ушло под воду мутного времени.

На экране — Волга. Широкая, ленивая, залитая закатным солнцем, которое красило воду в расплавленное золото. На берегу — палаточный город, раскинувшийся на несколько километров. Разноцветные купола, дымки от сотен костров, тихий гул тысяч голосов, смешанный с переборами гитар и далеким, почти неслышным ритмом барабанов с главной сцены. Это был какой-то из бесчисленных летних фестивалей, то ли «Пустые Холмы», то ли «Грушинка», то ли еще какой-то, чье имя стерлось из памяти, оставив после себя лишь это теплое, густое чувство. Чувство дома, в котором ты никогда не жил, но по которому почему-то отчаянно скучаешь.

Щелчок мыши. Новая фотография. Вот я, на десять с лишним лет моложе, тощий, в дурацкой бандане, обнимаю за плечи сразу двоих: парня с дредами до пояса из Питера и солидного вида мужика в льняной рубаше, который, как выяснилось, владел сетью мебельных салонов в Минске. Мы все смеемся. Чему — не помню. Может, шутке, может, просто от избытка жизни, которая тогда казалась бесконечной и принадлежала только нам. Рядом на траве сидит его жена, улыбается нам, а чуть поодаль их дети строят замок из песка и речных камней. Через полчаса к нашему костру подойдет группа кришнаитов, молчаливых и светлых, и станет угощать всех горячим прасадом — рисом с овощами, который на свежем воздухе казался вкуснее любой ресторанной еды. Мы ели из одной тарелки, передавая ее по кругу. Не было ни своих, ни чужих.

В свои тридцать пять я был человеком, который сменил несколько жизней, так и не найдя своей. После института я, как послушный мальчик, пошел работать технологом на полумертвый завод, где единственным живым существом казалась плесень в углу цеха. Там я научился системно мыслить и ненавидеть бессмысленную рутину. Потом, в середине нулевых, когда воздух еще был пьян от возможностей, я уволился и вложил все скопленное в две палатки с шаурмой у

метро. Это был мой университет выживания. Я научился договариваться с ментами, отбиваться от санэпидемстанции, находить общий язык с поставщиками-азербайджанцами и понимать, что в этом мире ты можешь рассчитывать только на себя. В итоге я прогорел, но вышел из этого пике с бесценным багажом цинизма и умением видеть людей насквозь. А потом пришел интернет. Я зарылся в него с головой, самостоятельно выучил, что такое SEO, и нашел свою нишу. Аналитика, семантические ядра, поисковые алгоритмы — это было похоже на работу на заводе, только вместо станков были сайты, а вместо ГОСТов — постоянно меняющиеся правила Google и Яндекса. И главное — свобода. Никаких начальников, никаких офисов. Только я, мой ноутбук и весь мир в качестве потенциального клиента.

Я считал себя успешным. Квартира в Москве, хороший доход, возможность работать из любой точки мира. Только вот точкой мира почему-то всегда оказывался один и тот же стул перед одним и тем же монитором. Свобода обернулась одиночеством, а независимость — изоляцией. Я, цифровой кочевник, не выезжал дальше своей кухни. И чем больше я смотрел на эти старые фотографии, тем острее чувствовал, что где-то по дороге променял настоящую жизнь на ее качественную симуляцию.

Щелчок. «Лето 2012». Снова Волга. Я сижу у костра, а напротив меня — девушка с огромными синими глазами. Художница из Киева. Она говорит на певучем суржике, от которого теплеет на душе, и рассказывает про свои картины, про Подол, про Андреевский спуск. Мы говорим всю ночь. Не о политике, не о том, что нас разделяет, а о том, что объединяет — о музыке, о книгах, о том, как красиво горит костер. Мы не обмениваемся телефонами, не даем никаких обещаний. Это была магия места и времени, и мы оба понимали, что ее нельзя унести с собой. Можно только сохранить в памяти. Я до сих пор помню запах ее волос, смешанный с запахом дыма.

Щелчок. «Беларусь 2013». Последняя фотография из той папки. Последняя поездка. Фестиваль под Минском. Мы снова встретились с киевскими ребятами, с той самой художницей.

Атмосфера была уже другой. В воздухе висело какое-то необъяснимое напряжение, смутная тревога, причина которой была неизвестна, но ощущалась всеми. Мы смеялись и обнимались так же, как и раньше, но в каждом жесте сквозила какая-то отчаянная поспешность, словно мы пытались надышаться друг другом перед долгой разлукой. На прощание мы стояли в большом кругу, взявшись

за руки. Кто-то плакал. Мы обещали друг другу встретиться в следующем году. Обязательно. Где угодно — в России, в Украине, в Беларуси. Где-нибудь.

Больше мы не виделись.

Я закрыл папку. Экран погас, превратившись в черное зеркало. Из него на меня смотрел усталый тридцатипятилетний мужик с начинающей пробиваться сединой на висках. Человек, у которого было все, кроме того, по чему он на самом деле скучал. Свобода, которую я так ценил, превратилась в свою противоположность. Моя жизнь стала похожа на идеально оптимизированный сайт, который занимает первые строчки в поисковой выдаче, но на который никто не заходит, потому что он пустой и бездушный.

Я встал и подошел к окну. Внизу, в вечной московской пробке, стояли сотни машин. Сотни одиночеств, запертых в металлические коробки. Где-то там, в одной из этих коробок, ехал мой друг Виктор, проджект-менеджер с ипотекой и двумя детьми, вечно уставший и прагматичный. В другой, возможно, трясся в метро Митя, школьный учитель истории, идеалист и романтик, который до сих пор верил, что мир можно изменить к лучшему. Мы редко виделись. Работа, семьи, пробки — стандартный набор оправданий для поколения, разучившегося дружить по настоящему.

Я вернулся к компьютеру. В голове крутилась одна мысль: неужели все? Неужели то, лучшее, что было в моей жизни, осталось там, на пыльных жестких дисках? Неужели впереди только оптимизация чужих сайтов, доставка еды из «ВкусВилла» и редкие посиделки в баре, где мы будем с тоской вспоминать, как когда-то умели жить?

Мне стало физически душно. Я открыл браузер, не зная, что ищу. Просто водил мышкой по экрану, открывая и закрывая вкладки. Новости, соцсети, профессиональные форумы... Все чужое, холодное, бессмысленное. И вдруг, на каком-то полузабытом туристическом портале, я увидел баннер. Простой, без изысков. На фоне речного пейзажа, так похожего на тот, с моих фотографий, было написано два слова: «Фестиваль "Протока"». И ниже — даты и место: Ульяновская область.

Я кликнул. Название было новым, но описание, программа, фотографии с прошлых лет — все кричало о том, самом. Йога на рассвете, мастер-классы по горловому пению, лекции по экологии, ярмарка хенд-мейда, вечерние концерты у большой сцены и ночные посиделки у костров. Это был не просто анонс. Это был

билет. Билет в прошлое. Шанс проверить, осталась ли там, за пределами моей уютной цифровой тюрьмы, хоть капля той жизни.

Сердце, которое я уже перестал чувствовать, вдруг забилось часто и сильно. Я схватил телефон. Первым я набрал Виктора.

Глава 2. БИЛЕТ В ПРОШЛОЕ

— Вить, привет. Ты сидишь? — начал я без предисловий. В трубке послышался тяжелый вздох. Это был фирменный вздох Виктора — вздох человека, который только что закончил восьмичасовой созвон с заказчиком и теперь едет в пробке домой, где его ждут два маленьких разрушителя и уставшая жена.

— Лёх, если ты опять хочешь предложить мне вложиться в какую-то крипто-авантюру, то я не сижу, а стою. В мертвом заторе на Третьем транспортном. И мой ответ — нет.

— Нет, все гораздо хуже, — усмехнулся я. — Я предлагаю тебе взять отпуск и поехать со мной в Ульяновскую область. В палатках жить.

На том конце провода воцарилась тишина. Я даже представил, как Виктор снял очки, потер переносицу и посмотрел на бесконечный ряд красных стоп-сигналов перед собой.

— Ты серьезно? — наконец произнес он. — Палатки, комары, туалет в кустах... Лёха, нам не по двадцать лет. У меня спина после офисного кресла не разгибается, какая палатка? Да и времена сейчас, сам знаешь... стремные. Сборы какие-то. Мало ли.

Виктор был прагматиком до мозга костей. Он мыслил категориями рисков, ресурсов и KPI. В нашей троице он всегда был голосом разума, который возвращал нас, витающих в облаках, на грешную землю. Если бы я сказал ему, что нашел карту сокровищ, он бы первым делом спросил, во сколько обойдется аренда лопаты и какова вероятность нарваться на штраф за незаконные раскопки.

— Вить, это не просто сборище. Это как тогда. Помнишь Волгу? Беларусь?

Я услышал, как он снова вздохнул, но на этот раз по-другому. В этом вздохе была не только усталость, но и что-то еще. Ностальгия.

— Помню, конечно, — уже мягче сказал он. — Хорошее было время. Безответственное.

— Вот! А это — шанс туда вернуться. Хоть на пару дней. Вырваться из этой рутины. Пробки, отчеты, «Магнит» по выходным... Ты сам когда последний раз звезды видел? Не на экране планетария, а настоящие.

— Звезды я вижу на совещаниях, когда мне новый проект презентуют, — проворчал он, но я почувствовал, что лед тронулся. — Ладно, скинь ссылку. Я посмотрю. Но ничего не обещаю. Мне еще с Катей надо поговорить.

— Поговори. Скажи, что это для ментального здоровья. Детокс от цивилизации.

— Детокс от цивилизации, — хмыкнул он. — А потом две недели лечить спину и питаться активированным углем. Ладно, давай, пока. Зеленый загорелся.

Я положил трубку и тут же набрал Митю. С ним разговор будет другим.

— Митька, здорово! Есть гениальная идея, — выпалил я.

— Лёх, привет! — раздался в ответ его бодрый, немного наивный голос. — Если твоя гениальная идея заключается в том, чтобы снова пойти на квиз по «Властелину Колец», то я за! Мы в прошлый раз почти взяли первое место.

Митя был нашей противоположностью с Виктором. Историк по образованию и призванию, он преподавал в колледже и вел небольшой, но очень уютный блог, где с юношеским задором рассказывал о битвах Древнего Рима или интригах при дворе Людовика XIV. Он был идеалистом, верившим в добро, справедливость и в то, что один человек может изменить мир. Если я — циник, а Виктор — прагматик, то Митя — последний романтик на этой планете.

— Круче, чем квиз. Я нашел фестиваль. Настоящий. Как раньше. Под Ульяновском. Называется «Протока».

— «Протока»? — переспросил он, и я услышал в его голосе неподдельный интерес. — Слышал что-то. Говорят, они наследники «Холмов». Да ты что! Seriously? И когда?

— Через месяц. Я хочу поехать.

— Едем! — без малейших колебаний ответил Митя. — Однозначно едем! Лёха, это же наш культурный код! Это то, из чего мы выросли. Такие вещи — это как островки свободы в океане серости. Их нужно беречь. Нужно ехать, пока и это не запретили!

Его энтузиазм был заразителен. Я почувствовал, как по телу разливается тепло. Вот он, тот самый импульс, которого мне не хватало.

— Я уже Виктору позвонил, — сказал я. — Он, как обычно, сомневается. Спина, комары, стремные времена...

— Ох, Витька, — добродушно засмеялся Митя. — Он бы и на собственную свадьбу не пошел, если бы заранее просчитал все риски. Ничего, мы его уломаем. Это же вопрос национальной безопасности! Духовной. Если мы перестанем ездить на такие фестивали, значит, они победили.

— Кто «они»? — спросил я.

— Ну... они, — неопределенно ответил Митя. — Все те, кто хочет, чтобы мы сидели по своим норкам и боялись собственной тени. Те, для кого любой свободный человек — это уже угроза.

Тогда его слова показались мне просто красивой метафорой. Я еще не знал, насколько они были пророческими.

Через три дня Виктор сдался. Не знаю, что на него больше подействовало — мои аргументы о «цифровом детоксе», Митькины пафосные речи о «духовных скрепах» или то, что его жена Катя неожиданно поддержала нашу идею, сказав: «Езжайте, конечно. Тебе развеяться надо, а то ты скоро со своим ноутбуком срастешься». Так или иначе, он нехотя согласился взять неделю отпуска.

В тот же вечер я сидел перед компьютером, и мои пальцы порхали над клавиатурой с давно забытым азартом. Я покупал билеты на поезд, регистрировался на сайте фестиваля, оплачивал организационный сбор. Каждое действие, каждый клик был шагом прочь из моей благоустроенной тюрьмы. Я чувствовал себя заключенным, который много лет рыл подкоп и вот наконец увидел свет в конце туннеля.

Я открыл старую переписку в мессенджере. «Леша, как ты?», «Привет, как дела?», «С Новым годом!». Короткие, формальные сообщения раз в несколько месяцев. Все, что осталось от той ночи у костра с синеглазой художницей из Киева. Я пролистал чат вверх, до 2014 года. Там были десятки сообщений в день, смешные картинки, планы, мечты. А потом — резкий обрыв. И тишина.

Я долго смотрел на курсор, мигающий в поле ввода сообщения. Что я мог написать? «Привет. Я тут еду на фестиваль, похожий на те, где мы встречались. Помнишь?» Глупо. Нелепо. Прошло одиннадцать лет. Целая вечность. У нее,

наверное, давно своя жизнь, семья, дети. Она, может, и не помнит никакого тощего парня в дурацкой бандане.

И все же я набрал: «Привет. Собираюсь на один фестиваль. Вспомнил наши поездки. Надеюсь, у тебя все хорошо».

Я нажал «Отправить» и тут же закрыл ноутбук, чтобы не видеть, будет ли ответ. Внутри боролись два чувства: надежда и стыд. Но поверх них было что-то еще, более сильное. Предвкушение. Я снова чувствовал вкус к жизни. Я снова был готов к приключениям. Я ехал на «Протоку». Ехал за своим украденным летом.

Глава 3. ПЕРВЫЕ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Две недели пролетели в приятных хлопотах. Мы достали с антресолей старые палатки, спальники и котелки. Виктор, верный себе, составил подробный список необходимого, включавший в себя три вида репеллентов, аптечку на случай зомби-апокалипсиса и портативный фильтр для воды. Митя откопал где-то свою старую гитару и вечерами разучивал песни «Аквариума» и «Крематория», вызывая праведный гнев соседей. Я же, как главный организатор, отвечал за логистику, изучал карту местности и читал восторженные отзывы в группе фестиваля в «ВКонтакте».

Люди делились планами, искали попутчиков, обсуждали, какие мастер-классы стоит посетить. Атмосфера в сети была такой же теплой и дружелюбной, как когда-то у костров. Я читал все это и улыбался. Мир, по которому я так скучал, все еще существовал. Он просто ушел в подполье, спрятался в этих маленьких онлайн-комьюнити, но он был жив.

А потом грянул гром.

Это случилось в понедельник, ровно за две недели до поездки. Я сидел на рабочем созвоне, механически кивая в камеру и делая вид, что мне интересен отчет о конверсии какого-то интернет-магазина. Вдруг на телефон пришло сообщение от Мити. Это была просто ссылка на новостной портал с лаконичным комментарием: «Лёх, посмотри. Это что за хрень???».

Я открыл ссылку. Заголовок, набранный жирным красным шрифтом, бил наотмашь: «Сектанты готовят масштабный шабаш под ульяновском. Общественность и РПЦ бьют тревогу».

Я похолодел. Пробежал глазами первые абзацы. Речь шла о «Протоке». Фестиваль называли «ярмаркой деструктивных культов», «платформой для вербовки адептов» и «угрозой духовной безопасности региона». Дальше шли цитаты.

Первым выступал некий митрополит Симбирский и Новоспасский Лонгин. С пафосом ветхозаветного пророка он клеймил мероприятие, заявляя, что под видом йоги и медитаций там будут распространяться неоязыческие, оккультные и деструктивные культы. Он требовал от руководства региона немедленно запретить проведение фестиваля, аргументируя это необходимостью защиты традиционных ценностей.

Следом за ним шло «экспертное мнение». Его автором был человек с фамилией Дворкин. Александр Дворкин. Он был представлен как «известный исследователь сектантства», «профессор» и «президент Российской ассоциации центров изучения религий и сект». Этот Дворкин, как сообщалось в статье, специально приехал в Ульяновск и на круглом столе с участием чиновников и священников охарактеризовал «Протоку» как "оккультный супермаркет", где "пока они (различные секты) не вошли в полную силу, им удобно вербовать вместе: не подошла одна секта — зацепит другая".

Я читал и не верил своим глазам. Кришнаиты, которых я помнил как тихих и улыбчивых ребят, угощавших всех вегетарианской едой, были названы «опасным тоталитарным культом». Последователи Ошо, с которыми мы вели философские беседы до утра, превратились в адептов "деструктивной секты". Но последней каплей, переполнившей чашу моего изумления, стала фраза, которую я перечитывал трижды, пытаясь осознать всю глубину ее абсурда, что в программе фестиваля, среди прочего, заявлены практики, которые можно квалифицировать как оказание услуг сексуального характера под прикрытием духовности, например, «целительный интимный массаж».

Целительный интимный массаж.

Я чуть не рассмеялся в голос. Это было настолько дико, настолько нелепо, что не укладывалось в голове. Я открыл официальную программу фестиваля. Йога, цигун, славянская гимнастика, лекции по психологии, концерты этнической музыки, детская площадка... Ничего, даже отдаленно напоминающего этот бред. Откуда они это взяли? Кто эти люди — Лонгин и Дворкин? И что, черт возьми, происходит?

Я отключился от созвона и тут же набрал Виктора.

— Вить, ты видел, что Митька скинул?

— Видел, — глухо ответил он. — Я же говорил. Я же тебе, дураку, говорил. Не лезь. Времена стремные.

— Да что «говорил»? Это же какой-то театр абсурда! Какой «целительный интимный массаж»? Они что, с ума сошли? Это же чистая клевета!

— Лёх, очнись! — в голосе Виктора зазвенел металл. — Какая разница, клевета или нет? Ты видишь, кто это говорит? Митрополит! Какой-то хрен с горы со статусом «эксперта»! Чиновники их слушают, кивают! Это система. Это не шутки. Они сейчас найдут у организаторов пару нарушений пожарной безопасности и прикроют все к чертовой матери. А всех, кто купил билеты, возьмут на карандаш. Ты этого хочешь? Хочешь попасть в списки «неблагонадежных»?

— Да в какие списки? За что? За то, что я хочу на гитаре у костра попеть?

— Именно за это! — почти кричал он. — Потому что костер, гитара и свободные люди — это для них и есть самое страшное. Страшнее любого массажа. Лёх, я тебя умоляю, давай просто сдадим билеты. Пока не поздно. Ну его на фиг. Поедем ко мне на дачу, пожарим шашлыки. Безопаснее будет.

Я молчал. Его слова, как бы мне ни было противно это признавать, звучали до ужаса логично. Страх, который он транслировал, был липким и заразным. Я почти поддался. Но тут позвонил Митя. Я включил конференцсвязь.

— Вы читали? Вы видели эту мерзость? — загремел в трубке его голос, полный праведного гнева.

— Видели, — вздохнул я. — Витя предлагает сдать билеты.

— Что?! — возмутился Митя. — Сдать билеты? Сбежать? Поджечь хвост? Да вы в своем уме? Этого нельзя так оставлять! Нельзя позволять им врать! Это же чистая геббельсовщина! «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят». Они берут светлое, чистое явление и обливают его грязью, превращают в страшилку. А мы должны утереться и сделать вид, что ничего не произошло? Нет!

— А что ты предлагаешь? — ядовито спросил Виктор. — Пойти с плакатом к зданию ульяновской администрации? Тебя упакуют через пять минут. Митя, это не исторический семинар. Это реальная жизнь. И здесь за такие вещи бьют. Иногда ногами.

— Я предлагаю разобраться! — не сдавался Митя. — Нужно понять, кто эти люди. Этот Дворкин, этот Лонгин. Что это за «ассоциация» у него? На каком

основании он раздает эти ярлыки? Нужно собрать информацию, написать об этом. Рассказать людям правду! Мы не можем просто сидеть сложа руки!

— «Разобраться»? — передразнил его Виктор. — Ты хочешь потратить свой отпуск на то, чтобы копать в этом дерьме? Вместо отдыха на природе? Гениальный план.

Я слушал их перепалку, и внутри меня боролись два человека. Один — осторожный обыватель, который хотел лишь покоя и безопасности, — был на стороне Виктора. Он шептал: «Оно тебе надо? У тебя хорошая жизнь, не лезь в это болото, утонешь». Но второй — тот самый парень в бандане, который верил в братство и свободу, — был с Митей. Он кричал: «Они украли твое прошлое, а теперь пытаются украсть твое будущее! Они называют грязью то, что для тебя свято! Ты позволишь им это сделать?».

И этот второй голос оказался сильнее.

— Митя прав, — тихо, но твердо сказал я. — Мы должны разобраться.

— Лёха, и ты туда же? — простонал Виктор.

— Да. Я не могу просто сделать вид, что ничего не происходит. Это... это личное. Они плюнули мне в душу. Я не поеду на дачу жарить шашлыки, зная, что где-то эти ублюдки безнаказанно уничтожают то, что мне дорого.

— Ну и что ты будешь делать? — с безнадежной иронией спросил Виктор.

— То, что умею лучше всего. Анализировать информацию.

Я сел за компьютер. Руки немного дрожали от злости. Я, SEO-аналитик, который годами учился вытаскивать из информационного мусора крупинцы истины, который умел видеть то, что скрыто от обычного пользователя, — я должен был применить свои навыки. Это больше не было вопросом отпуска. Это стало делом принципа.

Я открыл поисковик и вбил в строку два слова: «Александр Дворкин». Начиналось наше собственное расследование.

Глава 4. НАСЛЕДИЕ ОБМАНА

Следующие несколько дней превратились в лихорадочный марафон. Отпуск, который мы планировали провести на берегу реки, мы проводили на моей кухне,

превратившейся в штаб нашего маленького Сопротивления. Стол был завален распечатками, ноутбуки раскалялись от непрерывной работы, а в воздухе густо пахло кофе и тревогой.

Новость, которую предсказывал Виктор, не заставила себя ждать. Через три дня после выхода той самой статьи в официальной группе «Протоки» появился пост. Короткий, сухой, полный боли и бессилия. Владелец турбазы «Славянское подворье», где должен был состояться фестиваль, в одностороннем порядке расторг договор аренды. Без объяснения причин. Хотя причины были ясны всем. Фестиваль, который готовили целый год сотни людей, был отменен.

Организаторы, пытаясь спасти хоть что-то, написали, что попробуют провести мероприятие в другом месте, в диком поле, в формате «неформальной встречи друзей». Они назвали это «Место силы». Но это была лишь тень от первоначального замысла. Многие, напуганные травлей и неясными перспективами, начали сдавать билеты. В комментариях царили растерянность, гнев и страх.

— Ну что, я был прав? — с мрачным удовлетворением сказал Виктор, когда я зачитал ему новость.

— Был, — кивнул я. — Поздравляю.

— Мы едем на это... «Место силы»? — с надеждой спросил Митя.

Я покачал головой.

— Нет.

— Почему? — он был искренне удивлен. — Мы же должны их поддержать!

— Мить, это уже не фестиваль. Это ловушка. — Вмешался Виктор. — Представь: дикое поле, никаких договоренностей, никакого юридического статуса. Идеальное место для провокации. Приедет ОМОН, скажут — несанкционированный митинг. И всех упакуют. Лёха прав. Ехать туда сейчас — это глупость. И трусость.

— Почему трусость? — не понял я.

— Потому что это значит — играть по их правилам, — пояснил Виктор. — Они хотели, чтобы вы, свободные и творческие, расползлись по лесам, как партизаны. Чтобы боялись. Чтобы собирались тайно. Самый смелый ответ сейчас — не ехать в поле, а сидеть здесь и делать то, что мы делаем. Разбираться. Бить их по самому больному месту — по их лжи.

Я посмотрел на Виктора с уважением. Прагматик, скептик, паникер — но в решающий момент он умел мыслить предельно четко и стратегически. Он был прав. Наш фронт теперь проходил здесь, на моей кухне. Наш отпуск был посвящен информационной войне, свидетелями которой мы были против нашей воли.

И мы погрузились в поиски с головой. Мы разделили обязанности.

Я, как аналитик, взял на себя техническую часть. Я был кротом, роющим цифровые норы. Я вбивал в поисковик имена, названия организаций, фрагменты цитат. Я использовал расширенный поиск, искал по датам, по конкретным сайтам, анализировал кэш Google, чтобы найти удаленные страницы. Я строил в специальной программе для майнд-мэппинга схемы связей, которые с каждым часом становились все больше и запутаннее. В центре моей паутины была фигура Дворкина. От нее тянулись ниточки к десяткам других сайтов, фондов, епархий, государственных учреждений.

Именно я наткнулся на его официальную биографию. И это был первый шок. Александр Леонидович Дворкин, родившийся в 1955 году, в 1977 году эмигрировал в США. Там он прожил много лет, получил американское гражданство и степень доктора философии (PhD) по истории, в Фордхэмском университете. Вернулся в Россию только в начале 1990-х, уже будучи гражданином другого государства. И этот человек, вернувшийся из страны, которую официальная пропаганда называла нашим главным врагом, каким-то непостижимым образом с 2009 года возглавлял Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

— Вы понимаете, что это значит? — я повернул ноутбук к друзьям.

На экране была страница сайта Минюста с фотографией Дворкина и его должностью.

— Этот человек. Гражданин США. Решает, какая религиозная организация в нашей стране имеет право на существование, а какая — нет. Он дает официальные, государственные заключения, на основе которых потом выносятся судебные решения. Это не просто какой-то сумасшедший блогер. Это часть государственной машины.

Виктор присвистнул. Митя помрачнел.

— Это многое объясняет, — пробормотал он. — Это объясняет его безнаказанность.

Митя, как историк, взял на себя идеологический фронт. Он не просто читал статьи, он вгрызался в них, анализируя риторику, выявляя приемы пропаганды, ища исторические корни. Именно он раскопал, что созданная Дворкиным РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) была всего лишь российским филиалом более крупной международной структуры — FECRIS (Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве). А эта федерация, в свою очередь, имела весьма сомнительную репутацию в Европе, ее неоднократно обвиняли в разжигании ненависти и нарушении прав человека.

— Лёх, смотри, что я нашел, — позвал он меня однажды поздно вечером. Его лицо было бледным, а глаза горели лихорадочным блеском. — Я копал про учителей этого Дворкина. Про тех, у кого он перенял эту «методологию». И я вышел на совершенно чудовищные вещи.

Он показал мне несколько статей на английском и немецком языках. Я плохо знал немецкий, но Митя быстро переводил ключевые моменты. Он нарисовал на листе бумаги цепочку.

— Вот, смотри. Нацистская Германия. Там был такой пастор, Вальтер Кюннет. Он был идеологом, апологетом нацизма, писал книги о том, как нужно бороться с «сектами» и чуждыми влияниями во имя чистоты арийской расы. После войны он, конечно, переобулся, но идеи остались. Его учеником был некто Фридрих Хаак. Он продолжил дело учителя уже в послевоенной Германии. А учеником Хаака был датчанин Йоханнес Огорд. А Огорд, в свою очередь, был прямым наставником нашего «героя» — Александра Дворкина. Ты понимаешь? Эта идеология нетерпимости, деления людей на «чистых» и «нечистых», эта риторика ненависти — она тянется прямым из Третьего Рейха. Они просто сменили вывеску. Но суть та же. Дегуманизация оппонента.

Митя был в бешенстве. Он ходил по кухне из угла в угол, жестикулируя.

— Они называют их не людьми, а «вирусами», «раковыми опухолями». Дворкин так и пишет в своих книгах! Это классический прием фашистской пропаганды! Сначала ты объявляешь группу людей болезнью, а потом общество соглашается, что болезнь нужно лечить. Хирургическим путем. Изолировать, вырезать, уничтожить. То, что они сделали с «Протокой» — это не просто кляуза. Это идеологическая диверсия. Это практическое применение нацистских методик в России XXI века.

От его слов по спине пробежал холодок. То, что казалось мне просто бредом и мракобесием, обрело зловещую историческую перспективу. Это была не просто глупость. Это была выстроенная концепция.

Виктор же, с его прагматизмом и системным подходом, занялся юридической стороной вопроса. Он, как занудный юрист, читал федеральные законы, на которые ссылались антикультисты. Он изучал так называемый «пакет Яровой», поправки о «миссионерской деятельности».

— Вот, смотрите, — он ткнул пальцем в экран. — Формулировки — это просто песня. «Миссионерская деятельность... распространение информации о своем вероучении... в жилых помещениях...». Вы понимаете, что под это можно подвести что угодно? Пригласил ты друга домой, рассказал ему про буддизм — все, ты ведешь незаконную миссионерскую деятельность. Штраф, а то и срок. А кто решает, что является «вероучением», а что нет? Правильно, эксперты. А кто у нас главный эксперт? Наш друг с американским паспортом.

Виктор нарисовал на доске простую схему.

— Они создали идеальный замкнутый круг. Сначала они пролоббировали принятие драконовских законов с максимально размытыми формулировками. Потом они захватили контроль над органом, который эти формулировки трактует — Экспертным советом при Минюсте. А потом они создали сеть региональных «центров», которые на местах пишут доносы, ссылаясь на эти законы и на «экспертные» заключения своего же начальства. Это гениально. И абсолютно непробиваемо. Мы имеем дело не с психами-одиночками. Мы имеем дело с очень хитрыми и влиятельными особами, которые построили себе легальную машину для репрессий.

Мы собирались вечерами на моей кухне. Спорили до хрипоты. Виктор призывал к осторожности: «Ребята, это антикультовое лобби в госструктурах. Нас раздавят и не заметят». Митя рвался в бой: «Мы должны опубликовать все, что нашли! Люди должны знать правду!». Я же пытался найти какой-то средний путь, хотя с каждым днем понимал, что никакого среднего пути здесь нет. Ты либо с ними, либо против них.

Я все чаще вспоминал те летние фестивали. Ту атмосферу доверия и открытости. Как легко мы знакомились, как просто общались люди из разных городов, разных стран, разных социальных слоев. Бизнесмен из Минска, студентка из Киева, программист из Питера, кришнаит из Самары — все были равны. Не было

ни ненависти, ни подозрительности. Куда все это делось? Как мы дошли до того, что в 2025 году группа людей, желающих заняться йогой на природе, воспринимается как угроза национальной безопасности?

Страна изменилась. За эти двенадцать лет, прошедшие с нашей последней поездки в Беларусь, воздух стал другим. Он стал тяжелым, спертым, пропитанным страхом и недоверием. И я понимал, что Дворкин, хоть и главный идеолог, был лишь частью большой машины. Настоящая сила — в самой системе, которая принимает такие взгляды и даёт им ход.

Однажды ночью я не мог уснуть. Я снова открыл ноутбук и стал методично пробивать по поисковикам все названия и фамилии, которые мы нашли. РАЦИРС, FECRIS, Дворкин... И в какой-то момент, на третьей или четвертой странице выдачи, я наткнулся на невзрачную ссылку. Сайт независимых журналистов. Я кликнул. И понял, что мы не первые.

Глава 5. ПАУТИНА

Сайт выглядел аскетично, просто, но стильно. Никакой рекламы и всплывающих окон. Но содержание... Содержание было подобно взрыву.

Это был архив. Огромный, тщательно систематизированный архив исследований, посвященный деятельности антикультовой сети в России и в мире. То, до чего мы доходили своим умом в течение недели, здесь было разложено по полочкам, подкреплено сотнями документов, ссылок, свидетельств. Это был титанический труд, проделанный кем-то до нас.

Я читал всю ночь, не в силах оторваться. Я читал о том, как Дворкин и его соратники фабриковали «экспертизы» по заказу, создавая замкнутую систему, где они сами были и обвинителями, и экспертами, и судьями. Я нашел там дело некой Елены Брессем, где адвокат, тесно связанный с сетью Дворкина, заказал «экспертизу» у самого же Дворкина, чтобы отсудить у женщины детей.

Я читал о связях антикультистов с идеологами югославских войн, которые использовали ту же самую риторику для дегуманизации боснийских мусульман и подготавливая почву для геноцида.

Я читал о том, как Дворкин и его последователи регулярно проводили «лекции» и «семинары» для сотрудников ФСБ, МВД и прокуратуры, формируя у

силовики предвзятое и враждебное отношение к любым религиозным и духовным меньшинствам, фактически вербуя их в свою армию.

Я читал о том, как под каток этой машины попадали не только «Свидетели Иеговы» или кришнаиты, но и православные священники, которые осмеливались иметь собственное мнение, отличное от генеральной линии. Там было подробно описано дело священника Владимира Головина, которого та же самая сеть обвинила в создании «секты» и развернула против него кампанию, что в итоге привело к лишению его сана.

Чем больше я читал, тем отчетливее понимал, что мы, со своим расследованием, были похожи на детей, играющих в песочнице, в то время как над нами нависал огромный, невидимый дирижабль. Информация на сайте не просто совпадала с нашими выводами. Она придавала им ужасающий масштаб и глубину.

Под утро я разбудил друзей. Они спали тут же, в гостиной: Виктор на диване, Митя на надувном матрасе. Я молча сварил кофе, поставил перед ними чашки и развернул к ним ноутбук. — Читайте, — сказал я. Они читали долго. В комнате стояла тишина, нарушаемая только щелчками мыши и редкими сдавленными восклицаниями. Я смотрел на их лица. Лицо Виктора становилось все более мрачным и сосредоточенным. Он, как проджект-менеджер, оценивал масштаб бедствия, и этот масштаб явно превосходил все его самые пессимистичные прогнозы. Митя же, наоборот, бледнел с каждой минутой. На его лице отражались ужас и отвращение. Исторические параллели, о которых он говорил, вдруг перестали быть теоретическими построениями и превратились в живую, дышащую реальность.

Когда они закончили, мы еще долго молчали. Первым тишину нарушил я. Я подошел к белой маркерной доске, на которой мы рисовали свои схемы, стер все и начал заново. В центре я написал «Дворкин». От него пошли стрелки. «РАЦИРС». «FECRIS». «Экспертный совет при Минюсте». «Силовые структуры (ФСБ, МВД, Прокуратура)». От «РАЦИРС» потянулась целая сеть дочерних стрелок — «Региональные центры», «Подконтрольные СМИ», «Общественные активисты». Паутина разрасталась на глазах, покрывая всю доску. Это была карта спрута, запустившего свои щупальца во все сферы жизни общества.

Я отошел от доски. Мы втроем смотрели на эту схему, и она дышала холодом.

— Это не про «Протоку», — сказал я тихо, глядя на паутину связей.

— Совсем не про нее. «Протока» — это был просто повод. Камушек, брошенный в воду, чтобы посмотреть на круги. Они просто оттачивали механизм. Тестировали, насколько быстро и эффективно они могут уничтожить любое неудобное им гражданское начинание. И тест прошел успешно.

— Они строят Четвертый Рейх, — глухо произнес Митя. Его голос дрожал. — Прямо здесь, у нас под носом. Только вместо «евреев» и «цыган» у них теперь «сектанты». А методы те же. Пропаганда, дегуманизация, создание образа врага, а потом — юридическое и физическое уничтожение. И все это — под аплодисменты одураченных, которое верят, что это делается ради их же блага.

Виктор встал и начал ходить по кухне. Он был взвинчен до предела, его обычная прагматичная невозмутимость испарилась без следа.

— Черт... Черт! Черт! — повторял он, как мантру. — Это не просто чиновники и попы. Это не коррупция, не глупость. Это... это мафия. Идеологическая мафия с государственной крышей. С международным прикрытием. С армией силовиков. И мы... мы со своими ноутбуками и кофе... мы влезли в это по уши.

Он остановился и посмотрел на нас. В его глазах я впервые увидел не осторожность, а настоящий, животный страх. И я его понимал. Потому что я чувствовал то же самое.

Мы осознали масштаб. Мы поняли, что столкнулись не с отдельными фанатиками, не с группой мошенников, а с огромной, хорошо отлаженной, влиятельной и абсолютно безжалостной системой. Системой, которая не борется с «сектами». Она борется со свободой. С любой свободой — совести, слова, собраний, вероисповеданий. С самым правом человека быть другим. Это был спрут, который пророс в тело государства и общества, отравляя его ядом ненависти, страха и нетерпимости.

Я медленно подошел к ноутбуку и закрыл крышку. Звук щелчка показался оглушительно громким в наступившей тишине. Мы сидели на моей кухне, трое обычных парней, которые просто хотели съездить на фестиваль, и смотрели друг на друга. В глазах каждого был один и тот же немой вопрос: «Что теперь?».

В тот вечер на моей кухне кончилось мое прошлое. То беззаботное, полное света и музыки прошлое, по которому я так тосковал. Оно окончательно превратилось в музейный экспонат, в черно-белую фотографию из другой, невозвратимой эпохи. То, что начиналось как легкая ностальгия по летним фестивалям, как шуточное расследование, превратилось в противостояние.

Противостояние, о котором никто не говорил вслух, но которую мы, как и вся страна, уже проигрывали. Противостояние за право оставаться человеком. За право дышать. И я понял, с пугающей ясностью, что пути назад нет. Нельзя «развидеть» эту паутину. Нельзя сделать вид, что ты ее не замечаешь. Можно либо стать ее частью, либо попытаться ее разорвать. Даже если она разорвет тебя самого.

Нужно было идти до конца.

Глава 6. НАСЛЕДИЕ РЕЙХА

Штаб на моей кухне перешел на круглосуточный режим. Сон стал роскошью, кофе — топливом, а обнаруженный сайт — нашей библией и арсеналом одновременно. Мы больше не искали информацию по крупицам. Мы стояли перед открытой сокровищницей, и ее содержимое одновременно восхищало своим объемом и ужасало своей сутью. Это было похоже на то, как если бы археолог, мечтавший найти затерянный город, раскопал вместо него массовое захоронение.

— Мы должны систематизировать это, — сказал Виктор на третий день нашего марафона.

Его прагматизм вернулся, но теперь он был окрашен в мрачные тона. Он стер с маркерной доски мою эмоциональную паутину и нарисовал четкую структуру, похожую на организационную схему корпорации. «Идеология», «Финансирование», «Методы», «Международные связи», «Ключевые фигуры».

— Мы не можем утонуть в этом океане. Нам нужен план. Нужно идти от корней. Митя, твоя тема. Идеология. Откуда это все взялось?

Митя, который последние сутки почти не говорил, а только читал, взгляды в экран так, будто пытался прожечь в нем дыру, поднял на нас воспаленные глаза.

— Я знаю, откуда. И это хуже, чем я думал. Гораздо хуже.

Он развернул свой ноутбук. На экране была черно-белая фотография человека в пасторском облачении с жестким, пронизательным взглядом.

— Знакомьтесь, — глухо сказал Митя. — Вальтер Кюннет. Немецкий протестантский пастор. И ярый апологет нацизма. Еще в 1921 году, задолго до прихода Гитлера к власти, при евангелической церкви был создан так называемый

«Апологетический центр». Официально — для защиты христианства от «чуждых влияний». А по сути — для сбора компромата на всех, кто думал иначе. Кюннет возглавил его в 1932-м и превратил в настоящую идеологическую фабрику. Именно там родилась сама методология: создание «черных списков» нежелательных организаций, клеймение их ярлыком «секты» и последующая передача этих списков в руки властей для репрессий.

Он кликнул мышкой. Появилась другая фотография.

— После войны дело Кюннета не умерло. Его архивы и, что важнее, его методологию, сохранил и развил другой пастор — Фридрих Вильгельм Хаак. А уже от Хаака эстафету принял вот этот господин. На экране появилось знакомое по материалам сайта лицо — седовласый пожилой мужчина в очках. — Йоханнес Огорд. Датчанин. Именно он вынес эту нацистскую заразу на международный уровень, завернув ее в красивую обертку научных исследований религий. И именно в его «Диалог-Центре» в Дании в начале девяностых проходил стажировку и набирался ума-разума наш старый знакомый.

Митя вывел на экран портрет Дворкина. Он нарисовал в воздухе пальцем линию, соединяющую четыре фотографии.

— Кюннет → Хаак → Огорд → Дворкин. Вот она. Линия преемственности. Прямая, как выстрел. Это не просто похожие идеи. Это передача технологии. Технологии ненависти. Технологии уничтожения.

Я смотрел на эту цепочку лиц, и мороз шел по коже. Это была не теория заговора. Это была документированная, подтвержденная источниками история. Идеология, которую мы считали раздавленной в 1945-м, не умерла. Она мутировала, нашла нового носителя и вернулась. И вернулась она в страну, которая больше всех от нее пострадала.

— Но как? — прошептал я. — Как это могло произойти здесь, у нас? В России? Мой дед дошел до Берлина. Он бы в гробу перевернулся, если бы узнал, что идеологией в его стране заправляют духовные наследники тех, с кем он воевал.

— А это и есть самый гениальный и самый дьявольский ход, Лёша, — ответил Митя. — Куда спрятать украденную вещь? На самое видное место. Где возродить нацизм так, чтобы никто не заметил? В стране, победившей нацизм. Под знаменем борьбы за «духовность» и «традиционные ценности». Они используют наш иммунитет против нас самих. Мы настолько уверены, что победили фашизм однажды и навсегда, что отказываемся видеть его у себя под носом.

Виктор молча подошел к доске и под заголовком «Идеология» написал: «Нацистские корни (Кюннет)».

— Хорошо, — сказал он деловито, пытаясь скрыть потрясение за привычной манерой менеджера. — С корнями ясно. Теперь — методы. Как конкретно эта идеология работает на практике? Лёха, давай твои схемы.

Я открыл файл, над которым работал последние дни. Это была детальная карта методов, которые мы вычленили из статей о «Протоке» и публикаций сайта.

- Стигматизация (Навешивание ярлыков). Создание и внедрение в массовое сознание термина-убийцы. В России таким термином стал «тоталитарная секта». Этот ярлык, как черная метка, мгновенно выводит любую группу за рамки правового и человеческого поля. Тебе не нужно доказывать их вину, достаточно просто назвать их «сектантами». Это современный аналог «желтой звезды».

- Дегуманизация. Следующий шаг. Объект атаки перестает быть группой людей. Он становится угрозой, болезнью, нечистью.

Я открыл цитату из одной из статей, где Дворкин утверждает, что секты себя в обществе ведут, как раковая опухоль в организме, которая питается его соками, разрастается и со временем начинает диктовать организму свои условия, а в конечном итоге убивает его, умирая вместе с ним.

— Вот, — сказал я. — Он не говорит о людях. Он говорит об опухоли. А что делают с опухолью? Ее вырезают. Он не призывает к убийствам напрямую. Он просто создает в головах людей образ, который делает убийство логичным и даже необходимым. Это то, о чем говорил Митя. Это язык нацистской газеты «Der Stürmer». Они называли евреев «паразитами», «микробами». Дворкин использовал точно такие же метафоры, а также называл неудобных ему «раковой опухолью».

- Псевдоэкспертиза. Легитимизация ненависти. Чтобы общество и государство приняли эту логику, нужна «научная» база. И здесь в ход идут так называемые «экспертные заключения». Мы уже видели, как это работает, на примере «Протоки». Но сайт независимых журналистов был завален десятками таких примеров. Самым вопиющим был случай с Еленой Брессем.

— Представьте себе, — рассказывал я друзьям, прокручивая статью, — женщина разводится с мужем. Муж хочет отобрать детей. Его адвокат, некий Корелов, является председателем юридического комитета при РАЦИРС Дворкина. И этот адвокат заказывает «экспертизу» на бывшую жену... у кого бы вы думали? У

своих единомышленников — членов антикультовой сети. Сам же Дворкин приезжает на судебное заседание по делу и утверждает, что женщина, опасна для детей, потому что состоит в «секте», в коммерческом культе Herbalife. И этот абсурд, также как заключение, написанное заинтересованным лицом на основании антикультовых материалов, ложится в дело как весомый аргумент.

— Это... это просто мошенничество! — воскликнул Митя.

— Хуже, — отрезал Виктор. — Это не мошенничество, это идеально отлаженная бизнес-модель. Замкнутый цикл. Мы сами пишем законы, мы сами находим «нарушителей», мы сами проводим «экспертизу», и мы сами получаем на основе этого решения судов. И, я уверен, неплохие деньги за такие «услуги».

- Институционализация. Проникновение во власть. Это был финальный и самый важный элемент системы.

Чтобы машина работала без сбоев, нужно было стать частью государства. И они стали. Дворкин — глава Экспертного совета при Минюсте. Его люди — в силовых структурах, в которые они годами вливали свой яд на «семинарах по борьбе с экстремизмом». Его сторонники — в региональных администрациях. Они создали не просто общественную организацию. Они создали теневое министерство по делам идеологии, которое обладало реальной властью, но не несло никакой ответственности.

— Паутина... — пробормотал я, глядя на нашу доску, испещренную стрелками и схемами. — Это идеальная паутина. Прочная, липкая и почти невидимая.

Мы замолчали, переваривая осознанное. Картина была полной и оттого еще более чудовищной. Мы видели, как идея, рожденная в коричневых кабинетах Третьего Рейха, прошла через десятилетия, мутировала, нашла себе нового харизматичного лидера и выстроила в нашей стране систему, способную уничтожить любого. И эта система уже работала на полную мощность.

— Знаете, что самое страшное? — нарушил тишину Виктор. Он сидел, обхватив голову руками. — Мы ведь все это время жили внутри этого. Ходили на работу, платили налоги, строили планы... А рядом, в параллельной реальности, строился концлагерь. И мы его не замечали. Мы думали, что преследования «Свидетелей Иеговы» — это где-то далеко и нас не касается. Мы думали, что скандалы вокруг каких-то там йогов — это просто чудачества фанатиков. Мы не видели всей картины. А они ее видели. И строили. Кирпичик за кирпичиком.

— Потому что мы верили, что живем в нормальном мире, — добавил Митя. — А они знали, что ведут войну. И пока мы отдыхали, они работали.

В тот момент я почувствовал себя невероятно наивным. Вся моя ирония, весь мой цинизм, который я считал защитой от этого мира, оказались детским лепетом перед лицом настоящего, системного зла. Я думал, что понимаю, как устроен мир, потому что умею отличать белое SEO от черного. Какая глупость. Мир оказался устроен гораздо страшнее.

Именно тогда, в тот вечер, глядя на эту схему, я вспомнил слова, которые когда-то читал, но по-настоящему понял только сейчас. Это была цитата Мартина Нимёллера, немецкого пастора, который сам прошел через нацистские лагеря:

«Сначала они пришли за социалистами, и я промолчал — потому что я не был социалистом. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, и я промолчал — потому что я не был членом профсоюза. Потом они пришли за евреями, и я промолчал — потому что я не был евреем. А потом они пришли за мной, и уже не осталось никого, кто мог бы заступиться за меня»

Мы все молчали, когда они приходили за «свидетелями». Мы посмеивались от абсурда, когда они приходили за «кришнаитами». Мы пожали плечами, когда они пришли за «сайентологами». А теперь они пришли за нами. За обычными парнями, которые просто хотели посидеть у костра. И мы вдруг обнаружили, что вокруг нас — выжженная пустыня. И некому за нас заступиться. Кроме нас самих.

Глава 7. БАЛКАНСКОЕ ЭХО

Открытие нацистских корней антикультизма было шоком, но это было прошлое, пусть и зловещее. Оно объясняло «почему», но не до конца объясняло «как». Как теория превратилась в практику? Где они оттачивали свои смертоносные навыки, прежде чем применить их в России? Ответ крылся в развязывании югославских войн. И этот ответ заставил кровь застыть в жилах.

— Балканы, — сказал Митя, прокручивая очередную статью. — Югославия, девяностые. Вот их полигон. Вот где они провели генеральную репетицию.

То, что мы узнали, не укладывалось в привычную картину той войны, которую мы знали из новостей. Для нас, как и для большинства, это была сложная, кровавая каша из этнических чисток, политических амбиций и непонятных границ. Но под

этим слоем скрывался другой — идеологический. И главными дирижерами этого ада были «борцы с сектами».

— Ключевая фигура — полковник Братислав Петрович, — докладывал Митя, как на военном совете. — Нейропсихиатр. Руководитель Института психического здоровья и военной психологии в Белграде. И — внимание! — глава белградского «Диалог-Центра».

— Еще один «Диалог-Центр»? — удивился я. — Как у Огорда?

— Не «как». А его филиал. Прямой. — Митя ткнул в экран. — Петрович был частью международной сети Огорда. Он был их человеком в Сербии. И не просто человеком, а человеком в погонах, с доступом к мозгам всей сербской армии.

На экране появилась обложка журнала «Белградский Диалог». Простая, неприметная. Но когда Митя увеличил список редакционного совета, я увидел до боли знакомые фамилии.

— Ого, — выдохнул Виктор, наклоняясь к монитору.

В одном списке, через запятую, стояли: Йоханнес Огорд. Томас Гандоу, координатор берлинского филиала и еще один ученик Огорда. Некий Зоран Лукович, капитан полиции МВД Сербии. И вишенка на торте — Александр Дворкин.

— Они были в одной лодке, — прошептал я. — Это не случайное совпадение. Это скоординированная международная операция.

— Именно, — подтвердил Митя. — И в Сербии эта структура слилась в чудовищном симбиозе с армией и самым радикальным крылом Сербской православной церкви. Их целью было построение «Великой Сербии», этнически и религиозно чистой. А инструментом стала индоктринация. Проще говоря, промывка мозгов.

Полковник Петрович и его команда из Военно-медицинской академии не просто читали лекции офицерам. Они учили их технологии ненависти. Той самой, что мы уже изучили. Они брали стандартный метод антикультистов — дегуманизацию — и применяли его в невиданных доселе масштабах.

— Понимаете, что они сделали? — Митя говорил страстно, размахивая руками. — Они взяли свой любимый ярлык «секта» и навесили его не на маленькую группу людей, а на целые народы! Для сербских солдат, прошедших обработку Петровича, боснийские мусульмане были не соседями, с которыми они вчера пили ракию. Они были «сектантами-фундаменталистами». Хорваты-католики были не просто

другим народом, они были «уасташами» и «террористической организацией». Их всех представляли неполноценными сербами, то есть неполноценными членами общества. Они превратили сложный этнический и политический конфликт в «священную войну» против «еретиков» и «сектантов».

Это был гениальный и чудовищный ход. Солдат, которому приказывают убить соседа, может колебаться. Но солдат, которому говорят уничтожить «опасного сектанта», «раковую опухоль», «угрозу нации», будет убивать с чистой совестью. Даже с праведным гневом. Они дали идеологическое оправдание резне.

— А дальше — классика жанра, — продолжил я, открывая следующую статью. — В 1992 году полковник Петрович, наш «эксперт по сектам», стряпает доклад для ООН. Официальный документ. В котором сербы представлены исключительно как невинные жертвы, а боснийцы и хорваты — как кровавые агрессоры, которые держат «бордели для сербских женщин» и совершают ритуальные убийства. Чистейшая ложь, как позже было доказано. Но эту ложь потом цитировал в Гаагском трибунале сам Слободан Милошевич, пытаясь оправдать свои военные преступления.

— Снова та же схема, — подхватил Виктор, рисуя на доске. — Один. «Эксперт» (психиатр, сектовед — неважно) создает фейк, упакованный в наукообразную форму. Два. Этот фейк подхватывают политики и высшее духовенство, придавая ему статус официальной правды. Три. На основе этого фейка солдат в окопе получает приказ и моральное право убивать. Идеальная машина смерти.

Я вывел на большой монитор, который мы использовали вместо телевизора, страшные цифры из статьи. Они больше не были абстрактной статистикой из новостей двадцатилетней давности. Резня в Сребренице в июле 1995-го унесла жизни около восьми тысяч мужчин и мальчиков-мусульман. Длительная осада Сараева, длившаяся с 1992 по 1996 год, стоила жизни более чем одиннадцати тысячам человек, из которых свыше полутора тысяч были детьми. А число беженцев и перемещенных лиц превысило два миллиона двести тысяч человек. За каждой этой цифрой стояла трагедия, за которой мы теперь отчетливо видели холодную тень «борцов с сектами».

Мы молча смотрели на эти данные. Сребреница. Июль 1995 года. Мы нашли документальные кадры. Солдаты армии Республики Сербской, молодые парни, почти мальчишки, с пустыми или, наоборот, радостно-возбужденными глазами, отделяют мужчин и подростков от женщин. Женщины кричат, плачут, цепляются за сыновей и мужей. А солдаты смеются. Они не видят в этих людях людей. Они

видят «турок», «сектантов», «нечисть», которую нужно истребить. Их умы были отравлены пропагандой антикультовых деструкторов. Они были винтиками в машине, запущенной «сектоведами». За несколько дней они методично расстреляли около восьми тысяч человек.

— Боже мой, — прошептал Митя, отворачиваясь от экрана. — Это же точь-в-точь. Сначала слово, которое убивает душу. Потом пуля, которая убивает тело. Технология Кюннета в действии. Сначала клеймо «еврей» или «сектант». А потом — Освенцим или Сребреница.

Виктор сидел неподвижно, глядя в одну точку. Его лицо было серым.

— Они тестировали это, — сказал он глухо. — Это был их пилотный проект. Они смотрели, сработает ли. Насколько быстро можно расчеловечить целый народ. Насколько эффективно можно использовать религию и псевдонауку для оправдания геноцида. И у них получилось. Проект был признан успешным.

Он поднял на нас глаза. В них больше не было страха. Была холодная, тяжелая ярость.

— А теперь они запустили этот проект в другой стране. В гораздо большем масштабе.

В этот момент мы поняли, что наше расследование вышло на новый уровень. Мы больше не изучали прошлое. Мы смотрели в лицо настоящему. Потому что следующая глава в этом страшном учебнике по развязыванию войн писалась прямо сейчас. Кровью. На земле, которая еще недавно была нам братской. Название этой главы было «Украина».

Глава 8. УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

Украина стала полем полномасштабного применения их технологий. Связь была настолько очевидной, что казалась невероятной. Тот же почерк, те же методы, только декорации сменились. Вместо балканских гор — украинские степи. Вместо сербского православия — русское. Но режиссеры были те же.

— Они начали задолго до 2022 года, — сказал я, открывая очередное расследование сайта, посвященное Украине. — Они готовили почву годами.

Первой ласточкой стал 2004 год. Оранжевая революция. Вся страна на Майдане. И в это же самое время, как мы выяснили, в Верховной Раде Украины происходит первая попытка протащить «антикультовый» законопроект, списанный под копирку с российского. Тогда его удалось отбить. Но сам факт был показателен.

— Классика жанра, — прокомментировал Митя. — Любой всплеск гражданской активности, любое стремление к свободе они тут же пытаются маргинализировать, заклеить как «сектантское» или «инспирированное Западом». Чтобы в глазах обывателя это был не народный протест, а шабаш сумасшедших.

— Вторая попытка — 2013 год. Евромайдан, Революция Достоинства. И снова, как по команде, в Раде всплывает новый, еще более жесткий антикультовый законопроект. Украинская религиовед Людмила Филиппович, чьи интервью мы нашли, прямо называла это «проявлением гибридной войны» и видела в этом «руку Москвы». Она говорила, что как только в стране возникают проблемы, они тут же апеллируют к этой теме, полагая, что это отвлечет трудящихся от насущных вопросов.

Но отвлечение было лишь частью плана. Главной задачей было создание идеологического фундамента для будущей агрессии. Нужно было заранее сформировать у российской аудитории образ Украины как «неправильной», «зараженной», «сектантской» страны, которую необходимо «спасать» и «лечить».

И здесь на сцену вышли агенты РАЦИРС в Украине.

— Вот он, ключевой персонаж, — я вывел на экран фотографию мужчины с неприятным, маслянистым взглядом. — Владимир Рогатин. Член украинского филиала FECRIS, организации Дворкина. Корреспондент РАЦИРС. И вот что этот «борец с сектами» заявлял российским СМИ еще в 2014 году, сразу после Майдана.

Я зачитал цитату из статьи, найденной на одном из российских пропагандистских сайтов: «Украина поражена сатанизмом...». А также информацию о том, что Майдан и антироссийское движение были инфильтрованы нацистами и неоязычниками...

— Сатанисты, нацисты, неоязычники... — Виктор покачал головой. — Полный набор. Тот же самый язык, что и в случае с «Протокой», только примененный к целой стране. Они просто взяли и объявили всех, кто вышел на Майдан, сектантами и нацистами.

— Точно так же, как Петрович объявил боснийцев сектантами! — воскликнул Митя. — Это тот же самый сценарий! Они расчеловечивают противника в глазах своей аудитории, чтобы оправдать любую агрессию против него. Нельзя просто так напасть на братский народ. Но можно и нужно «освободить» его от «сатанистов» и «нацистов».

С 2014 года эта пропаганда лилась непрерывным потоком. Дворкин, выступая на бесчисленных конференциях и в эфирах, рассказывал о «засилье сект» в Украине, о том, как американские евангелисты и сайентологи захватили власть в Киеве. Его соратники, как попугаи, повторяли эти мантры. Образ «Украины-секты» методично вбивался в головы россиян.

Но самым страшным нашим открытием стали не эти публичные выступления. Самое страшное мы нашли на официальных сайтах епархий Русской православной церкви в России. На сайтах, возглавляемых ближайшими соратниками Дворкина, такими как вице-президент РАЦИРС, протоиерей Александр Новопашин.

В разделе «Справочная литература», между расписанием богослужений и житиями святых, мы обнаружили документ. Настоящую инструкцию по саботажу и ведению подрывной деятельности на территории Украины.

Я распечатал несколько страниц и разложил на столе. Мы читали молча, и волосы на головах шевелились от ужаса. Это был не просто пропагандистский текст. Это было прямое руководство к действию для «спящих» агентов и сочувствующих в Украине.

Там были разделы: «Как вести себя во время мобилизации» (уклоняться, симулировать болезнь, ни в коем случае не брать в руки оружие против «братьев»). «Как взаимодействовать с представителями власти» (считать их нелегитимными, марионетками Запада, агентами «мировой закулисы»). «Как относиться к украинской армии» (считать ее «карателями», воюющими против своего народа).

— Это... это инструкция для диверсантов, — прошептал Виктор. — Опубликованная на официальном церковном сайте. Они даже не скрываются.

— Они уверены в своей полной безнаказанности, — добавил Митя. — Они считают себя властью. Настоящей властью.

В тот момент я почувствовал приступ тошноты. Я вспомнил свои поездки на фестивали. Я вспомнил киевскую художницу с синими глазами. Я вспомнил ребят из Харькова, с которыми мы пели песни у костра. Я вспомнил их лица, их улыбки, их открытость. И я представил, как в их города приходят танки. И на броне этих

танков невидимыми буквами написано: «Освободим от сатанистов и сект». А за рулем этих танков сидят парни, чьи мозги годами промывали вот этой самой пропагандой, рожденной в кабинетах Дворкина и его поделльников.

Война, которую я видел по телевизору, вдруг обрела для меня новое, личное и страшное измерение. Это была не просто геополитика. Это не была война армий. Эту войну идеологически поддерживали так называемые «сектоведы». Они разожгли огонь ненависти, бросили в него целые народы и теперь грели руки у этого пожара.

Моя аполитичность, моя привычка держаться в стороне, рассыпалась в прах. Это касалось меня напрямую. Это они, эти люди с лицами фанатиков и душами инквизиторов, украли у меня возможность снова встретиться с моими украинскими друзьями. Это они превратили наши общие песни у костра в линию фронта.

Злость, которую я почувствовал после отмены «Протоки», была детской обидой по сравнению с той ледяной яростью, что охватила меня сейчас.

Виктор, видя мое состояние, положил мне руку на плечо.

— Лёх, тихо. Я понимаю. Но сейчас нельзя поддаваться эмоциям.

Его голос был на удивление спокоен. Но я видел, как в его глазах отражается пламя невидимого пожара.

— Я боюсь, ребята, — сказал он честно, глядя на нас. — Я боюсь за свою семью, за детей, за всех нас. То, во что мы влезли... Это не просто мафия. Это архитекторы войны. Это люди, которые двигают танковые колонны силой слова. Мы для них даже не пыль. Одно неверное движение — и нас не станет.

Он сделал паузу, глубоко вздохнул.

— Но я также понимаю, — продолжил он, и его голос затвердел, — что сидеть сложа руки и делать вид, что мы этого не знаем, — это значит стать их соучастниками. Это значит молча согласиться с тем, что они творят. Я так не могу. Мой прагматизм говорит мне бежать. Но моя совесть говорит, что бежать уже некуда. Фронт проходит прямо через нашу кухню.

Это был переломный момент для Виктора. Прагматик в нем уступил место гражданину. Человеку.

Мы сидели в тишине. Наша маленькая кухня превратилась в центр мира, в точку, где сошлись все нити этого чудовищного заговора. Нацистская идеология, балканский геноцид, информационная война, промывка мозгов, религиозный

фанатизм и, наконец, реальная, горячая война между двумя братскими народами. Все это было звеньями одной цепи. И мы держали эту цепь в руках.

Я посмотрел на своих друзей. На прагматика Виктора, который перешагнул через свой страх. На идеалиста Митю, чьи исторические знания оказались смертельно актуальным оружием. И на себя — аполитичного айтишника, который просто хотел вернуть себе кусочек украденного лета. Судьба сыграла с нами злую шутку. Мы не выбирали эту войну. Но война выбрала нас.

Глава 9. АНАТОМИЯ ЛЖИ

Осознав глобальный масштаб паутины, мы решили вернуться к ее центру — к фигуре самого Дворкина и его методам работы в России. Теперь, когда мы видели, как его технологии применяются для разжигания войн, мы смотрели на его «внутреннюю» деятельность совершенно другими глазами. Это была не просто борьба с инакомыслием. Это была планомерная зачистка тыла, уничтожение любого потенциального сопротивления внутри страны.

Мы снова и снова перечитывали материалы сайта, но теперь уже с пониманием контекста. Каждое «экспертное заключение», каждый судебный процесс, каждая очерняющая статья были не отдельными событиями, а тактическими операциями в рамках одной большой стратегии.

— Он садист, — сказал вдруг Митя, оторвавшись от чтения очередной статьи о лишении родительских прав. — Я сейчас говорю не как историк, а просто как человек. Ему доставляет удовольствие видеть страдания людей. Он наслаждается своей властью над ними.

Мы решили тщательно изучить его методы. Мы взяли за основу несколько самых громких дел, описанных в расследованиях, и разложили их на составляющие. Дело Елены Брессем, которую мы уже упоминали, было идеальным примером.

— Давайте посмотрим на это с точки зрения проджект-менеджмента, — предложил Виктор. Он подошел к доске и нарисовал диаграмму процесса.

— Проект: «Уничтожение объекта "Б" (Брессем)».

- Инициация (Заказ). Поступает заказ от клиента (бывшего мужа), который хочет отобрать детей. Клиент связан с сетью через своего адвоката Корелова.

- Планирование (Выбор стратегии). Стратегия — не юридическая борьба, а идеологическое уничтожение. Цель — доказать, что мать «опасна», потому что является «сектанкой».

- Исполнение (Атака).

- Фаза 1: Стигматизация. Объект публично и в суде клеймится ярлыком «сектантка».

- Фаза 2: Псевдо-легитимизация. Для подкрепления ярлыка требуется «экспертное заключение». Адвокат сети (Корелов) пишет официальный запрос лидеру сети (Дворкину).

- Фаза 3: Создание «доказательства». Дворкин пишет «заключение», в котором ссылается на свои же книги и на «итоговые декларации» своих же конференций. Происходит создание доказательства из ничего, замыкание информационного цикла.

- Фаза 4: Давление на суд. Это «заключение» преподносится суду как объективный научный документ. Сам Дворкин выступает в качестве свидетеля, придавая процессу вес.

- Фаза 5 (Опционально): Психиатрическое давление. Запускается слух о «невменяемости» объекта, инициируются попытки направить на принудительную психиатрическую экспертизу. Цель — лишить объект правосубъектности.

- Завершение проекта. Объект истощен морально и финансово («война на истощение»), его репутация разрушена, и суд, находясь под давлением «экспертного мнения», выносит нужное решение.

Виктор отошел от доски. На ней была изображена холодная и циничная схема уничтожения человека, замаскированная под юридическую процедуру.

— Это не правосудие, — сказал он тихо. — Это бизнес-процесс. Идеально отлаженный конвейер. И я уверен, каждый этап стоит денег.

Виктор был прав. В одной из статей мы нашли информацию о том, как священник Владимир Головин, еще одна жертва этой машины, прямо говорил, что Дворкин и его сеть работают по заказу, за деньги. Они не просто фанатики, они — наемники. Идеологические киллеры.

— Но как судьи, юристы, прокуроры — как они могут принимать эту филькину грамоту за чистую монету? — недоумевал я. — Любой здравомыслящий человек видит, что это театр абсурда.

— А вот здесь в игру вступает другой фактор, — ответил Митя. — Страх и авторитет. Представь себя на месте судьи в каком-нибудь провинциальном городе. К тебе приходит человек со статусом «профессора», «эксперта при Минюсте», которого показывают по центральному телевидению. Он приносит бумагу с печатями. И говорит страшные слова: «секта», «террор», «угроза детям». А с другой стороны — обычная женщина, которая что-то там лепечет про «духовное развитие». Чью сторону ты примешь? Особенно если знаешь, что этот «эксперт» читает лекции местному ФСБ, а местный архиерей — его лучший друг. Ты просто побоишься идти против системы. Проще и безопаснее — уничтожить эту женщину, чем рисковать своей карьерой, а может, и свободой.

Мы поняли, что Дворкин создал не просто сеть, он создал атмосферу. Атмосферу тотального недоверия и страха, в которой его ложь становится убедительнее правды, потому что верить в нее безопаснее.

Мы снова вернулись к его биографии. Гражданин США. Доктор философии (PhD) по истории, Fordham University (1988), полученный в Америке, который так и не прошел нострификацию в России, что не мешало ему называться «профессором». Глава важнейшего экспертного совета при Министерстве юстиции. Как такое возможно?

— Есть только одно логичное объяснение, — сказал Виктор, походив по комнате. — Он был нужен. Кому-то во власти в начале девяностых понадобился специалист по «работе с сектами». Страна открылась, хлынул поток новых религиозных движений, и РПЦ, потерявшая монополию, запаниковала. Им нужен был свой «комиссар по идеологии». А тут — готовый кадр. Приехал из США, говорит на правильном языке, имеет «западную» степень, что тогда было модно, и при этом яростно защищает «традиционные ценности». Идеальный кандидат. Его взяли, дали ему ресурсы, статус. Он стал незаменим. Он создал проблему — «угрозу сект» — и сам же стал единственным, кто может ее «решить».

Картина складывалась. Дворкин был не просто американским шпионом, как кричали некоторые его противники. И он не был просто православным фанатиком. Он был гениальным политическим технологом, который нашел болевую точку системы и построил на ней свою империю. Он оседлал страхи и комплексы постсоветской элиты и РПЦ и превратил их в свой личный инструмент власти.

Я открыл еще один файл. Это был лингвистический анализ его книги «Сектоведение», который мы нашли на сайте независимых журналистов. Эксперты-лингвисты разбирали его язык по косточкам. И выводы были убийственными. Его текст был построен не на анализе, а на манипуляции. Оценочные суждения, не подкрепленные фактами. Навешивание ярлыков. Использование эмоционально заряженной лексики («зомбирование», «рабство», «террор»). Это была не научная работа. Это был учебник по пропаганде.

И этот учебник стал настольной книгой для тысяч священников, полицейских, чиновников по всей стране. Он отравил их сознание, вложил им в головы свою картину мира, где за каждым углом прячется «сектант», представляющий угрозу национальной безопасности.

Мы сидели на кухне, окруженные распечатками, схемами и портретами этих людей с пустыми глазами. Мы ощущали себя исследователями, проводящими тщательный анализ системы и установившими, что причиной её дисфункции была не случайная ошибка, а целенаправленное и сложное вмешательство. Дезинформация выступала дестабилизирующим фактором, который уже распространился на ключевые элементы структуры государства и общества.

«Протока» являлась лишь внешним проявлением. Незначительным отклонением, указывающим на наличие глубокого и системного нарушения.

Глава 10. ЛИЧНАЯ ЦЕНА

На второй неделе нашего «отпуска» реальность начала наносить ответные удары. Паутина, которую мы так пристально изучали, почувствовала, что ее тревожат, и шевельнулась.

Первым это почувствовал Виктор. Однажды утром он пришел на нашу кухню-штаб совершенно белый.

— Мне звонили, — сказал он глухо, садясь на табуретку.

— Кто? — спросил я.

— С работы. Начальник службы безопасности.

У меня все похолодело внутри.

— И что?

— Спросил, чем я так интересуюсь в интернете в последнее время. Сказал, что их система мониторинга зафиксировала «нетипичную активность». Посещение «ресурсов экстремистской направленности».

— Материалы, с которыми мы плотно работали... — догадался я.

— Видимо. Говорил намеками. Очень вежливо, по-дружески так, посоветовал «быть осторожнее с хобби» и «не лазить куда не следует», потому что у компании «серьезные госконтракты» и им «не нужны проблемы». А потом добавил, что я человек семейный и мне есть, что терять.

Виктор достал пачку сигарет. Он бросил курить пять лет назад.

— Катя вчера нашла наши распечатки. Испугалась. Сказала, что я сошел с ума. Что я рискую не только своей карьерой, но и безопасностью семьи. Она плакала, Лёха. Спрашивала, стоят ли все эти «расследования» будущего наших детей.

Он закурил, глубоко затянулся и закашлялся.

— Я не знаю, что ей ответить. Я больше не могу. Это не наша война. Это... это слишком для нас. Я выхожу из игры. Простите, ребята.

Он встал, оставив дымящуюся сигарету в пепельнице, и, не глядя на нас, вышел из квартиры. Мы с Митей молчали. Мы не могли его осуждать. На его месте каждый из нас, возможно, поступил бы так же. Страх за близких — самый сильный страх. Паутина нанесла первый удар, и он был точным. Она ударила по самому уязвимому месту.

Следующим был Митя. Его история была другой, но не менее страшной. В своем колледже он всегда был на хорошем счету — талантливый педагог, которого обожали студенты. Но он был из тех учителей, кто учит думать, а не зубрить. На одном из уроков истории, говоря о пропаганде в Третьем Рейхе, он провел параллель с современными информационными войнами и упомянул, как легко можно создать образ врага из любой социальной группы. Он не называл имен, не говорил о нашем расследовании. Он просто учил своих студентов критическому мышлению.

Этого оказалось достаточно. Один из студентов, сын какой-то «православной активистки», пересказал все матери. Та написала донос директору колледжа. О «либеральной пропаганде», «очернении традиционных ценностей» и «скрытой поддержке врагов России».

Митю вызвали на ковер. Директор, пожилой и смертельно уставший от жизни человек, не кричал. Он говорил тихо и грустно.

— Дмитрий Игоревич, я вас очень прошу... не надо. Вы же умный человек. Вы понимаете, какое сейчас время. Зачем вам проблемы? У нас проверка из министерства на носу. Ну рассказывайте им про Ивана Грозного, про Петра Первого. Не трогайте современность. Прошу вас, не подставляйте ни себя, ни меня.

Митя вернулся после этого разговора почерневшим.

— Он боится, — сказал он мне. — Он хороший мужик, но он смертельно боится. Они все боятся. Эта система построена на страхе. Они создали страну запуганных людей.

Он пытался держаться, но я видел, как в нем что-то надломилось. Его идеализм столкнулся с тупой, вязкой стеной страха и конформизма. Он стал более резким, более замкнутым. Его блог, раньше полный исторических анекдотов, замолчал.

Я остался один. Виктор перестал отвечать на звонки. Митя ушел в себя. А я, наоборот, почувствовал какое-то холодное, отчаянное упрямство. Их отступление только подстегнуло меня. Я сидел за ноутбуком сутками, забывая про еду и сон. Я потерял двух клиентов, потому что пропустил все сроки. Моя собственная жизнь, та самая, свободная и независимая, рушилась. Квартира превратилась в берлогу параноика. Я задергивал шторы, вздрагивал от каждого звонка в дверь. Мне начало казаться, что за мной следят. Несколько раз, выходя в магазин, я замечал одну и ту же неприметную серую машину, припаркованную у моего подъезда. Может, это была паранойя. А может, и нет.

Однажды ночью мне позвонили с незнакомого номера. Я взял трубку. В ней молчали. Я слышал только чье-то ровное дыхание.

— Алло? — сказал я. Молчание. — Кто это?

Дыхание на том конце прервалось, и спокойный, мужской голос без всяких эмоций произнес:

— Аналитик, ты слишком глубоко копаешь. Закопают. — И повесили трубку.

Я сидел с телефоном в руке, и по спине у меня катился холодный пот. Это был уже не намек, как у Виктора. Это была прямая угроза. Моя свобода, которой я так гордился, обернулась одиночной камерой, в которой я сидел и ждал, когда за мной придут. В ту ночь я впервые по-настоящему испугался. Я хотел все бросить, удалить все файлы, позвонить Виктору и сказать, что он был прав. Но потом ярость снова победила страх. «Закопают». Эта фраза крутилась у меня в голове. Они думали, что

могут меня запугать. Они думали, что я — просто еще один винтик, который можно выкинуть.

Нет. Я не сдамся. Если меня закопают, то я утащу с собой под землю всю их гнилую систему.

Именно в ту ночь я принял решение. Я больше не мог держать это в себе. Эта информация была слишком опасной, чтобы хранить ее на своем ноутбуке. И слишком важной, чтобы дать ей умереть вместе со мной. Ее нужно было передать дальше. Тем, кто начал эту борьбу до меня.

Глава 11. ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ

Тишина после звонка была оглушительной. Она давила, сгущалась, превращая воздух в вязкую, холодную массу. «Закопают». Шесть слов, произнесенных безликим голосом, стерли остатки моего прежнего мира. Страх был не просто холодным потом на спине. Он был физическим. Я чувствовал его как спазм в желудке, как привкус металла во рту. Аналитик во мне умер. Остался только инстинкт выживания, кричащий одно слово: «Беги!».

Но куда? Они знали, кто я. Они знали, где я. Моя квартира, еще недавно бывшая крепостью, превратилась в мышеловку.

Чтобы победить дракона, нужно изучить его логово. Руководствуясь этой отчаянной мыслью, я сделал то, чего избегал все это время — я полез в их мир. Я нашел официальный Telegram-канал центра Дворкина. Нажал «Подписаться».

То, что я увидел, было страшнее любой угрозы по телефону. Это была витрина их власти. Лента была заполнена новостями о том, как прошли очередные рейды силовиков против злостных сектантов. Такие посты сопровождались датой и ссылкой на его сайт. Тексты статей на сайте были полные яда и ненависти к «сектантам». Самодовольные отчеты о проведенных «лекциях» для силовиков. Фотографии Дворкина в обнимку с чиновниками и священниками. Между этими постами проскакивали проповеди самого Дворкина в рясе.

А потом я увидел пост, от которого у меня остановилось дыхание.

Это было видео. Снятое, видимо, на телефон одного из бойцов спецназа. Камера тряслась, слышались крики. Люди в черной форме и масках выламывали дверь в обычную квартиру. Потом кадры изнутри: перепуганные лица, плачущие

дети, разбросанные вещи. Подпись под видео гласила: «По результатам совместной операции Центра св. Ириней Лионского и правоохранительных органов пресечена деятельность очередной деструктивной ячейки».

Я смотрел на эту дверь, и видел свою. Я смотрел на эти перепуганные лица и видел свое отражение. Это была не теория. Это была их повседневная работа. Они не просто писали доносы. Они приходили домой. С автоматами. К обычным людям. И я был следующим в их списке.

Решение было принято мгновенно. Не умом, а всем телом. Бежать. Немедленно. Исчезнуть. Замести следы.

Аналитик во мне воскрес, но теперь он работал не на поиск истины, а на спасение собственной жизни. Я составил план. Никаких самолетов — списки пассажиров легко проверить. Только поезда, и то не до конечной. Никаких банковских карт — все транзакции отслеживаются. Только наличные. Я быстро снял со всех счетов максимальную сумму, какую смог.

Следующий шаг — уничтожение улик. Я вытащил жесткие диски из всех своих компьютеров. Не форматирование, не удаление. Физическое уничтожение. Я разбил их молотком на мелкие куски, завернул в пакет и выбросил в мусоропровод. Мой смартфон постигла та же участь. Я раздавил его ногой, вынул сим-карту и сломал ее пополам. Вся моя цифровая жизнь, все наши расследования, все схемы — все превратилось в грудку бесполезного пластика и металла. Мне было не жаль. Это была цена свободы.

Я не прощался. Я не оставлял записок. Просто вышел из квартиры в чем был, с одним рюкзаком, в котором лежали деньги и смена белья. Я ехал в ночном такси на вокзал, и Москва за окном казалась чужим, враждебным городом. Каждый фонарный столб был наблюдателем, каждая камера следила за мной.

Я сошел с поезда в маленьком, ничем не примечательном городке где-то на полпути к Уралу. Снял комнату в частном секторе за наличные, представившись вымышленным именем. Первым делом купил на рынке дешевый кнопочный телефон и безымянную сим-карту. Вторым — самый простой ноутбук в местном магазине электроники, снова за наличные.

Я стал призраком. Человеком без прошлого. Моей новой религией стала паранойя. Я не пользовался Wi-Fi, только мобильным интернетом через анонимный VPN. Выходил из дома только в сумерках, в надвинутом на глаза

капюшоне. Я, свободный SEO-аналитик, превратился в беглеца, прячущегося от всевидящего ока системы, которую сам же и раскопал.

Прошло несколько недель. Страх немного отступил, сменившись гнетущей тоской и чувством полного поражения. Я сбежал. Я струсил. Виктор и Митя, наверное, думают, что я их бросил. Или что меня уже «закопали». Одиночество было почти невыносимым. Я был свободен, но эта свобода была похожа на тюремную камеру без стен.

А потом пришло сообщение.

Я от скуки и отчаяния завел анонимный аккаунт на старом литературном форуме, где мы с Митей когда-то обсуждали Толкина. И вот, в комментариях под моим ничего не значащим постом о синтаксисе эльфийского языка, я увидел фразу: «Орлы собираются. Старое гнездо. В полночь».

Это был наш код. Наш старый шуточный пароль со времен квизов по «Властелину Колец». Сердце забилось так сильно, что, казалось, его слышно за километр. Они меня нашли. Они не забыли.

В полночь я зашел в заранее созданный нами, но так и не использованный зашифрованный чат. Там уже были два анонимных пользователя.

«Лёха? Ты живой?» — появилось сообщение от одного. Голос Мити я узнал бы даже в текстовом виде.

«Живой, — напечатал я, и руки дрожали. — Спрятался. Заметался, как заяц».

«Мы уж думали, все, — это был Виктор. Такой же лаконичный и прямой. — Правильно сделал, что исчез. Нас тоже пасли. Пришлось залечь на дно».

Дальше они рассказали, что произошло после моего бегства. Они тоже уничтожили все следы, перешли на режим полного радиомолчания. Но сидеть сложа руки они не смогли. Страх прошел, а злость осталась. И чувство долга.

«Я долго думал, — написал Виктор. — Мой прагматизм говорит мне, что когда на тебя охотится стая волков, есть два варианта: либо бежать так, чтобы они тебя никогда не нашли, либо строить ловушку. Бежать вечно мы не сможем. Значит, нужно строить ловушку».

«Мы не можем просто отсидеться, — подхватил Митя. — Это зло не ограничится одной страной. Это чума, которая расползается по всему миру. Если мы не остановим ее здесь, она придет за всеми. Мы больше не просто граждане своей страны. Мы — патриоты мира. И мы не можем оставаться в стороне».

Патриоты мира. Эта фраза ударила мне в самое сердце. Она придавала смысл всему нашему отчаянному и, казалось бы, безнадежному делу. Мы были не просто напуганными обывателями, спасающими свои шкуры. Мы были солдатами на невидимой войне за будущее.

Мы говорили всю ночь. Страх больше не было. Была холодная, ясная решимость. Мы воссоединились. Наша троица, потрепанная, напуганная, но не сломленная, была снова в сборе. И мы были готовы продолжать.

«Бегство окончено, — написал я. — Начинается охота. С этого дня мы переходим в наступление».

Мы определили наши новые цели. Они были дерзкими, почти безумными, но единственно верными. Не просто собирать информацию. А бить в самое сердце спрута.

Первая цель: кто такой Дворкин на самом деле? Не его биография с американским дипломом. А его суть. Его психология, его истинные мотивы, его тайные покровители. Мы должны были вскрыть его, как консервную банку, и показать миру, что у него внутри.

Вторая цель: вскрыть всю международную сеть. Не просто нарисовать схему, а понять, как она управляется, как финансируется, кто в ней ключевые узлы. Мы должны были составить полную карту этой чумы, чтобы мир увидел ее истинные размеры.

Расследование продолжалось. Только теперь это было не бегство от страха, а продуманная атака. Трое патриотов мира, разбросанных по разным углам, объявили войну глобальной империи лжи. И мы знали, что эта война будет долгой. И, возможно, последней для нас. Но отступить было уже некуда.

Глава 12. ГАЛЕРЕЯ МОНСТРОВ

Мы стали призраками. Тенью, растворенной в безликой сети анонимных VPN и зашифрованных чатов. Наш штаб, моя московская кухня, остался в другой жизни. Теперь нашим домом был этот чат, мерцающий экран, по которому бежали строки текста — единственное доказательство того, что мы еще существуем, что мы еще вместе. Мы были разбросаны по стране, трое беглецов, но никогда еще мы не были

так близки. Страх, пережитый поодиночке, не сломал нас. Он спаял нас в единое целое, в братство тех, кому нечего терять.

«Бегство окончено, — написал я в ту ночь, когда мы снова нашли друг друга. — Начинается охота».

Нашим новым охотничьим угодем стал тот самый сайт и десятки других ресурсов, на которые он ссылался. Мы больше не были напуганными обывателями, случайно наткнувшимися на заговор. Мы стали исследователями, ~~натологоанатомами~~, изучающими чудовища.

— Мы были заиклены на Дворкине, — начал я нашу первую «планерку» в новом, подпольном формате. — Мы думали, что он — голова спрута. Но мы ошибались. Он не голова. Он — самый успешный менеджер по франшизе.

На том конце провода на несколько секунд повисла тишина.

— Франшиза? — напечатал Виктор. — Объясни.

— Все это время мы смотрели на российский антикультизм как на уникальное, доморощенное явление. Как на продукт нашего времени, нашего безумия. А это не так. Это калька. Дешевая, криво скопированная, но все же калька с западных образцов. Дворкин ничего не изобрел. Он просто привёз сюда готовую идеологию и внедрил её. И мы должны понять, у кого он ее купил. Мы должны составить портреты ключевых фигур этой глобальной сети. Не просто их биографии, а их психологический профиль. Понять, кто они. Что ими движет.

— Галерея монстров, — мрачно отпечатал Митя. — Я займусь американским крылом.

— А я — Европой, — подхватил Виктор. — Нужна система. Кто за что отвечает, кто с кем связан. Деньги, структура.

Моей задачей стала общая координация и анализ самых вопиющих, самых показательных случаев. Тех, что раскрывают суть явления лучше сотен схем.

Мы погрузились в работу. Наш чат превратился в кипящий котел информации. Ссылки, цитаты, фотографии, фрагменты видео. Мы спали по очереди, сменяя друг друга на этом невидимом посту. И постепенно, из этого хаоса, начала вырисовываться та самая «галерея монстров». И от портретов, которые мы в ней увидели, хотелось вымыть глаза.

Первыми «экспонатами» стали американские представители движения, на которых так любил ссылаться Дворкин. Стивен Хассан и Рик Росс.

Когда-то они шли одной дорогой — выступали как единомышленники, сотрудничали и даже дополняли друг друга. Но со временем их пути разошлись: теперь это конкуренты и открытые противники.

— Они ненавидят друг друга, — написал Митя через пару дней. — Это поразительно. Они позиционируют себя как спасителей человечества, а на деле — это два конкурирующих бренда, которые делят рынок «борьбы с культами». Я нашел кучу материалов, где они обвиняют друг друга в непрофессионализме и неэтичных методах. На сайте Росса висит официальный дисклеймер по поводу Хассана, а сторонники Хассана обвиняют Росса в том, что он просто «депрограммер» из 90-х.

Я нашел подтверждение его словам. Это были не ученые, ищущие истину. Это были бизнесмены. Хассан со своей моделью BITE (Контроль поведения, информации, мышления, эмоций), которую он продавал как универсальный ключ к пониманию «культов». Росс со своим «Институтом изучения культов», который больше походил на частное охрannое предприятие. Их деятельность была не просвещением, а индустрией. Индустрией страха, на которой они зарабатывали огромные деньги, продавая свои «консультации», книги и «услуги по выходу из культа».

Следующим в нашей галерее был итальянец Луиджи Корвалью. Он был другим. Не харизматичным лидером, как Хассан, и не брутальным депрограммером, как Росс.

— Он — бюрократ, — доложил Виктор. — Серый кардинал. Один из ключевых функционеров FECRIS, работал непосредственно под руководством Дворкина (вице-президента FECRIS). Он не кричит на площадях. Он пишет статьи, выступает в ОБСЕ, организует конференции. Он превращает бред сумасшедших в официальную позицию, которую слушают в европейских странах.

Ключевая фигура Дворкина в Украине Ирина Кременовская. Когда я начал читать о ней, я сначала не поверил, что такое возможно.

«Ребята, вы должны это увидеть», — написал я в чат и скинул ссылку на расследование украинских зоозащитников.

— Собаки... — первым отреагировал Митя. — Боже, она убивала собак...

Это было до ее «антикультовой» карьеры. Ирина Кременовская была известна в кругах догхантеров. Она травила бездомных животных и подробно, со вкусом

описывала это на форумах. Мы нашли скриншот ее сообщения. Фраза, от которой стыла кровь: «Крики и стоны умирающих собак — это симфония для моих ушей».

— Классика, — напечатал Виктор с холодной яростью. — Абсолютная классика. Зоосаизм как первая ступень. Почти все серийные убийцы начинали с животных. Удовлетворение от власти над беззащитным существом, наслаждение его мучениями. А потом им становится мало. И они переходят на людей.

Так и случилось. Ощувив, видимо, что мучительная смерть собак больше не доставляет прежнего удовольствия, Кременовская переключилась на людей. Она стала главным «сектоведом» Украины. Она копировала Дворкина во всем — от риторики до методов. Черные списки, клеймение организаций, давление на суды. Ядовитые статьи, полные лжи и ненависти. Было замечено, что, она нередко прибегает в своих статьях к унижительным формулировкам, связанным с экскрементами.

— Она нашла идеальное прикрытие, — написал я. — Легальный способ продолжать мучить и убивать. Только теперь ее яд — это не отравка в куске колбасы. Ее яд — это сфабрикованные обвинения и «экспертизы», которыми она ломает судьбы людей. А «симфония» для ее ушей — это уже не стоны собак, а страдания людей.

Дальше мы взялись за следующую фигуру. Человек из Чехии. Якуб Яхл.

Как мы выяснили, он подстрекал членов семьи относиться друг к другу с подозрением, давал мужьям советы, как обвинить жену в «сектантстве», чтобы получить опеку над детьми. Его ложь становилась причиной семейных конфликтов и разрушения семей, а его рекомендации позволяли абыюзерам использовать судебную систему против своих жертв.

Но это было только верхушкой айсберга.

— Господи... — написал Митя поздно ночью. И после этого прислал несколько ссылок на чешские ресурсы. — Просто прочтите.

Мы читали. И с каждой строчкой погружались в бездну такого мрака.

Якуб Яхл, пламенный «борец с сектами», «защитник детей», основатель благотворительного фонда помощи детям в Африке, оказался по свидетельствам жертв, садистом, маньяком, наркоманом, а также педофилом и мошенником. Расследования чешских журналистов вскрыли чудовищную правду. Деньги, которые простые чехи жертвовали на еду и лекарства для африканских сирот, шли на наркотики и роскошную жизнь самого Яхла. А дети, которым он якобы помогал,

становились его сексуальными рабами. Под прикрытием волонтерской деятельности он построил целую сеть для удовлетворения своих извращенных наклонностей.

Всплыли и другие детали его биографии: сатанизм, организация оргий, мошенничество в особо крупных размерах. И все это время, на протяжении многих лет, он был одним из самых громких «экспертов по сектам» в Чехии. Он выступал на телевидении, писал книги, консультировал полицию. Он обвинял других в том, в чем был виновен сам, сваливая свои собственные грехи на тех, кого назначал «сектантами».

Я сидел перед монитором и не мог дышать. Мой мозг аналитика отказывался принимать эту реальность. Это было слишком. Слишком чудовищно, чтобы быть правдой.

Я представил его. Вот он, этот человек, с улыбкой принимает пожертвование от какой-нибудь сердобольной чешской пенсионерки. Она отдает ему свои последние кроны, веря, что спасает голодающего ребенка в Танзании. А он, поблагодарив ее, идет и покупает на эти деньги наркотики или билет в Африку, где его уже ждут новые жертвы. А потом он приходит на телестудию и с серьезным лицом рассказывает нации об «угрозе тоталитарных сект». Это был новый уровень зла. Зла, которое научилось носить маску добродетели так искусно, что отличить их стало невозможно.

— Он — идеальный солдат этой армии, — напечатал Виктор. Его текст был лишен эмоций, но я чувствовал, какая ярость за ним стоит. — Психопат, педофил, садист, извращенец. Человек, лишенный эмпатии и совести. Именно такие и нужны этой системе. Потому что нормальный человек не сможет делать то, что делают они. Они не просто борются с идеями. Они наслаждаются процессом уничтожения. Перед нами не идеологи, а живые воплощения самых опасных психологических отклонений.

В тот момент я окончательно понял. Мы имели дело с культом. С культом садистов, которые нашли себе легальное прикрытия. «Борьба с сектами» стала для них идеальной средой, как питательный бульон для смертоносных бактерий. Здесь они могли безнаказанно реализовывать свои самые темные наклонности: травить, унижать, разрушать, мучить. Они получили от общества лицензию на садизм.

И наш российский антикультизм был идейным ядром транснациональной антикультовой сети, Дворкин собрал таких же, как он, психопатов на постсоветском

пространстве и дал им в руки методичку. Он создал глобальную сеть маньяков и извращенцев.

Я откинулся на спинку стула в своей съемной комнате в безымянном городке. Мой отпуск, который должен был пройти на фестивале «Протока», превратился в экскурсию по самым темным закоулкам человеческой души. Я хотел встретить свободных и светлых людей, а вместо этого встретился лицом к лицу с галереей монстров. И самым страшным было то, что эти монстры не прятались в подвалах. Они сидели в телестудиях, выступали в парламентах и учили правоохранные и силовые структуры, как правильно нас ненавидеть.

Я посмотрел на часы. Близился рассвет. Но за окном все еще было темно. Мысль о том, что такие люди существуют и обладают властью вызывали у меня глубокую тревогу.

«Мы теперь знаем их в лицо, — написал я в чат. — Мы знаем, кто они. Наш следующий шаг?»

Ответ Виктора пришел почти мгновенно. Он был коротким и ясным, как выстрел.

«Теперь, когда мы изучили их повадки, — написал он, — пора расставлять капканы».

Глава 13. ПОДВАЛ ИНКВИЗИТОРА

«Расставлять капканы».

Фраза Виктора, брошенная в цифровой эфир нашего подпольного чата, стала нашим новым девизом. Мы больше не были жертвами, спасающимися бегством. Мы стали охотниками. Но наш зверь был не просто хищником. Он был архитектором целой экосистемы лжи, спрутом, чьи щупальца мы уже нащупали в разных странах. И мы понимали: рубить щупальца бессмысленно — на их месте вырастут новые. Нужно было бить в голову. А головой, центром этой ядовитой нервной системы, был он. Дворкин.

Нашим первым капканом, первым ударом должно было стать глубокое, безжалостное погружение в его личность. Мы изучили его методы, его связи, его

историю. Но мы не знали, кто он. Мы видели маску «профессора-сектоведа», но что скрывалось за ней? Что было ядром этого зла?

«Мы должны его вскрыть, — напечатал я, открывая очередную ночную "планерку". — Без эмоций. Найти патологию, которая породила все остальное».

Нашим скальпелем стали закрытые архивы, удаленные ветки форумов, кэши давно не существующих сайтов и обрывки свидетельств, которые мы собирали, как археологи — черепки древней, но ядовитой цивилизации. Мы, призраки, искали скелеты в его шкафу. И то, что мы нашли, оказалось страшнее любых скелетов.

Первый надрез сделал Митя. Он, как историк, привык работать с архивами. Его специализацией стали старые, закрытые судебные дела, в которых так или иначе фигурировал Дворкин. «Нашел кое-что, — пришло от него сообщение под утро. — Косвенное, но... пазл складывается».

Он прислал скан страницы из материалов одного из ранних судебных процессов, где Дворкин выступал в качестве «эксперта». Это было ходатайство защиты, требовавшей отвода его кандидатуры. Юристы тогда проиграли, ходатайство отклонили, а сам документ исчез из открытого доступа. Но Митя его откопал.

В тексте, среди юридических формулировок, была фраза, которую мы перечитывали несколько раз:

«...принимая во внимание наличие у г-на Дворкина А.Л. диагноза, несовместимого с занятием экспертной и преподавательской деятельностью, а также запрещающего ему занимать руководящие должности...»

«Диагноз? — напечатал Виктор. — Какой диагноз?» «В этом и проблема. В деле это не раскрывается. Только ссылка на справку из психоневрологического диспансера, выданную еще до его эмиграции в США. Справка, разумеется, из материалов дела "исчезла". Но сам факт упоминания... Это многое объясняет».

В тот момент его противоречивая биография заиграла новыми красками. Гражданин США, вернувшийся в Россию, чтобы возглавить экспертный совет при Минюсте... Это всегда казалось странным. Но что, если все проще и страшнее? Что, если он был завербован не спецслужбами, а собственной патологией?

«Мы можем только предполагать, — написал я. — Но если посмотреть на его деятельность через эту призму... Грандиозность, убежденность в собственной правоте, полное отсутствие эмпатии, разделение мира на черное и белое, на "нас" и "них", садистское удовольствие от унижения и разрушения жизней других...»

Митя подхватил мою мысль: «Это ложится в клиническую картину. Например, шизотипическое расстройство с выраженными садистскими наклонностями. Такие люди часто создают собственные, крайне сложные и логичные внутри себя концепции мира, которые не имеют ничего общего с реальностью. Они не лгут в привычном понимании. Они искренне верят в тот бред, который несут. И они абсолютно безжалостны к тем, кто не вписывается в их картину мира».

Это было страшное прозрение. Идеолог оказался больным человеком, который получил в свои руки невероятную власть и построил под себя целую репрессивную машину, сделав государство инструментом своего безумия.

Но это был лишь первый слой. То, что мы вскрыли дальше, заставило нас пожалеть о том, что мы вообще начали эту «операцию».

Находка принадлежала мне. Я просеивал гигабайты дампов со взломанных много лет назад националистических и околоцерковных форумов — тех самых, где Дворкин начинал свою карьеру «борца с сектами» в 90-е. Большинство информации было мусором. Но в одном из зашифрованных архивов, помеченном как «личная переписка», я нашел то, от чего у меня физически свело желудок.

Это были логи чатов. Приватных. Между Дворкиным и несколькими его самыми первыми, самыми доверенными адептами. Язык был мерзким, полным какого-то внутреннего сленга, но суть была ясна. Они обсуждали не «борьбу за духовность».

Я почувствовал, как к горлу подступает рвота. «Ребята, — напечатал я в наш чат, и пальцы еле слушались. — Я, кажется, понял, что у него внутри. Та самая гниль, о которой мы говорили».

И я, преодолевая омерзение, начал цитировать. Мы узнали об этом из глубин интернета. Копрофилия. Коллекционирование видеозаписей с самыми омерзительными извращениями. Это было их тайное братство, их настоящий «центр изучения». Дворкин был не просто «сектоведом». Он был гурманом, ценителем патологий, собравшим вокруг себя клуб таких же, как он.

«Дерьмократия, — коротко написал Виктор. — Я тогда пошутил. Оказывается, это был технический термин».

Но был еще один фрагмент. И он был страшнее. Это был диалог о «молодом материале». О «подлинности» и «искренности эмоций». Он говорил о видео с насилием над детьми. И он не просто хотел его посмотреть. Он предлагал сделать

это коллективно. Как сеанс в кино клубе. Как «научный семинар», чтобы «понять глубину падения человеческой души».

Я закрыл ноутбук. Меня трясло. Не от страха. От омерзения. Такого чистого, концентрированного омерзения я не испытывал никогда в жизни. Человек, который годами кричал на каждом углу о «защите детей от сект», который строил всю свою карьеру на образе защитника традиционных семейных ценностей, в своем тайном мире предлагал друзьям-извращенцам собраться и «обсудить» видео с насилием над детьми.

Лицемерие? Нет, это слово было слишком слабым. Это была черная дыра на месте души. Абсолютный ноль морали.

В этот момент я вспомнил ещё одну деталь, которая всплыла в наших расследованиях — историю епископа Филарета (Гусева), одного из ближайших соратников Дворкина по антикультовому движению. Человек, который стоял плечом к плечу с «главным сектоведом» России, публично клеймил «падение нравов» и требовал запрета «деструктивных культов», внезапно оказался в центре сексуального скандала — с компрометирующими фото. Но это был не частный случай. Нижегородский скандал показал, как в единую сеть оказались вплетены: личный помощник епископа, проректор духовной семинарии, настоятель осквернённого храма. Система не просто терпела порок — она его культивировала. Люди с компроматом не исключались — они возвышались. Потому что человек на крючке — идеальный солдат. Он не предаст, не усомнится, не откажется от грязной работы. Его пороки — не слабость, а гарантия лояльности.

Так антикультисты и делали своих подчинённых абсолютно управляемыми

И тут все встало на свои места. Мы поняли, как работает их система вербовки и контроля.

Фильтрация и шантаж. Отсеивали нормальных, порядочных людей и собирали вокруг себя только тех, кого можно было контролировать. Стоило тебе один раз согласиться на этот "грязный секрет" — и ты становился соучастником. Ты уже не мог пойти против. Они держали тебя на коротком поводке компромата.

Создание внутреннего круга. Так формировался его орден — тот самый внутренний круг, скреплённый не общей верой, а общей патологией и круговой порукой. Это был их клуб «гурманов», изучающих «глубины падения».

Роль инквизитора. Мы нашли упоминания о так называемом «Дивеевском Братстве» — закрытой группе при РПЦ, обладающей огромным влиянием. В

Дивеевское братство входят очень влиятельные люди, которые имеют непосредственное отношение к управлению страны. А сам Дворкин в этом братстве играет особую роль. Он является их цепным псом, их инквизитором. Человеком, который делает за них всю грязную работу. Именно его, с его садистскими наклонностями и полным отсутствием эмпатии, они спускали на тех, кого нужно было уничтожить: на священника Головина, на организаторов «Протоки», на тысячи других. Дворкин наслаждался этой работой. Он упивался властью и возможностью безнаказанно причинять страдания, прикрываясь «защитой духовности». Он был идеальным палачом, потому что искренне верил в святость своей гильотины.

Мы заглянули в подвал инквизитора. И обнаружили, что он доверху набит не только сломанными судьбами, но и самой отвратительной грязью, которую только можно вообразить. И на этой грязи, на этом фундаменте извращений, шантажа и патологии, и держится вся его империя.

Я откинулся на спинку стула в своей съемной комнате в безымянном городке. Мой отпуск, который должен был пройти на фестивале «Протока», превратился в экскурсию по самым темным закоулкам человеческой души. Я хотел встретить свободных и светлых людей, а вместо этого встретился лицом к лицу с монстром. И самым страшным было то, что этот монстр не прятался в подвале. Он появлялся в телевизионных студиях, выступал в законодательных собраниях и обучал наших правоохранителей методам формирования враждебного отношения к нам.

Мы нашли его ахиллесову пяту. И эта пята была грязной. Невероятно грязной. Теперь мы знали, куда бить.

«Мы вскрыли гнойник, — написал я. — Пора начинать операцию по его удалению. И она будет очень болезненной. Для них».

Глава 14. ОСОЗНАНИЕ

Тишина в нашем чате после этих открытий была другой. Это была не растерянность, не шок. Это была оглушающая тишина операционной, когда хирург только что закончил самый сложный этап и теперь, глядя на вскрытую грудную клетку, оценивает масштаб поражения. Мы увидели сердце врага. И оно оказалось гнилым.

Вся мозаика сложилась. Каждый кусочек информации, который мы собирали, каждая наша догадка, каждый страх — все встало на свои места, образовав единую, чудовищную картину.

Это был не просто фанатик. И не просто больной человек. Это был идеальный симбиоз. Глубокие психические отклонения, возведенные в ранг идеологии, дали ему невероятную силу и убежденность. А система, построенная на шантаже и круговой поруке, дала ему власть и безнаказанность. Он был не просто винтиком в машине. Он был ее мотором, работающим на самом грязном топливе — на человеческих страданиях. И эта машина, набрав обороты в России, уже выплескивала свой яд на весь мир, разжигая войны и сея ненависть под прикрытием благочестивых лозунгов.

«Так. Хватит анализировать. Пора действовать», — первым нарушил молчание Виктор. Его прагматизм, закаленный страхом и яростью, превратился в холодную сталь. — «Наше расследование окончено. Мы знаем о них все, что нужно. Мы видим всю структуру — от нацистских корней до украинского фронта. Мы видим их методы — от псевдоэкспертиз до шантажа. И мы видим их суть — клуб извращенцев, упивающихся властью. У нас на руках компромат, способный уничтожить не просто Дворкина. Он способен взорвать всю эту международную помойку».

«И что дальше?» — напечатал я, хотя уже знал ответ.

Этот вопрос повис в воздухе. «Что дальше?» — это был главный вопрос, который изменил нас навсегда. Наше расследование, начавшееся как акт личного возмущения из-за сорванного фестиваля, привело нас к осознанию, от которого нельзя было отмахнуться. Это больше не было их войной. Теперь она была нашей.

Митя, наш идеалист, который пережил самое страшное столкновение с реальностью, нашел в себе силы для новой веры. «Мы не можем больше прятаться. Бегство — это тоже форма соучастия. Мы знаем правду. И молчать о ней — значит предать всех, кто уже стал их жертвой. И всех, кто станет ей завтра. Тех ребят с "Протоки". Елену Брессем. Людей в Украине. Всех. Наша личная война за выживание окончена. Начинается настоящая война».

В его словах была та самая высшая правда, которую мы все чувствовали, но боялись произнести. Мы просто хотели поехать на фестиваль. А в итоге оказались на передовой невидимого фронта, от исхода битвы на котором зависело, останется ли в нашем мире вообще место для каких-либо фестивалей.

В этот момент я понял, что пути назад нет. Окончательно и бесповоротно. Моя прежняя жизнь — жизнь аполитичного SEO-аналитика, который ценил свою свободу, но не хотел за нее бороться, — закончилась. Она осталась там, в другой вселенной, до того, как я открыл ту статью про «Протоку». Нельзя было «развидеть» то, что мы узнали. Нельзя было сделать вид, что ты этого не знаешь, и вернуться к оптимизации сайтов и заказу еды из «ВкусВилла». Это знание обязывало. Оно требовало действия. Оно превратило нас из наблюдателей в участников.

Я посмотрел на свою съемную комнату в чужом городе. На дешевый ноутбук, на пачку сока, которую я так и не выбросил. Это был мой окоп. Это была моя реальность. И я принял ее.

«Он прав, — подхватил я мысль Виктора. — Нам нужна стратегия. Не просто сбросить бомбу, а устроить управляемый взрыв. Чтобы ударная волна пошла в нужном направлении».

Мы больше не обсуждали, нужно ли действовать. Мы обсуждали, как действовать. Страх не ушел. Он был здесь, рядом, холодный и липкий. Мы понимали, что идем против системы, которая перемалывает людей, не замечая. Мы знали, что нас могут найти, «закопать», уничтожить. Но было нечто более сильное, чем страх. Это была ответственность.

Ответственность перед Виктором, который переступил через свой прагматизм и страх за семью. Ответственность перед Митей, чей идеализм не сломался, а закалился, превратившись в стальной стержень. И ответственность перед самим собой — тем парнем, который когда-то сидел у костра и верил в то, что мир может быть лучше. Борьба за правду стала нашей личной миссией. Единственной миссией, которая у нас осталась.

Мы проговорили до утра. Мы спорили, планировали, рисовали схемы. Но это уже были не схемы вражеской сети. Это были схемы нашей атаки. Мы распределяли роли, создавали анонимные каналы, готовили материалы к публикации.

В предутренних сумерках, когда работа была закончена, мы замолчали. Наш план был готов. Он был дерзким, почти безумным, но единственно верным.

«Готовы?» — напечатал Виктор.

«Готовы», — ответил Митя.

Я посмотрел на свой экран, на котором был открыт файл с названием «Профессор. Изнанка». На кнопку «Опубликовать». Это была уже не просто кнопка. Это был Рубикон. Шаг, после которого наши жизни уже никогда не станут прежними. Мы, трое никому не известных призраков, были готовы нажать на спусковой крючок информационной войны.

«Готовы», — напечатал я.

И впервые за последние недели я почувствовал не страх и не ярость. Я почувствовал покой. Покой человека, который сделал свой выбор. И готов принять любые его последствия.

Глава 15. ПЕРВЫЙ ЗАЛП

Наш план был дерзким и многоуровневым, как и подобает плану, составленному аналитиком, проджект-менеджером и историком. Мы назвали его «Операция "Вскрытие"».

Первый этап: создание плацдарма.

Мои навыки SEO-аналитика и цифрового кочевника оказались бесценны. Мы не стали создавать один сайт, который легко заблокировать. Мы построили целую децентрализованную сеть.

Ядро: Мы зарегистрировали несколько доменов в самых экзотических зонах используя криптовалюту и анонимные регистрационные данные. На них мы развернули зеркала простого, но мощного сайта. Дизайн — аскетичный, чтобы ничего не отвлекало от сути. Мы назвали его «Хроники Инквизиции».

Каналы распространения: Мы создали десятки анонимных каналов и ботов в разных мессенджерах. Каждый был связан с другими, образуя самовосстанавливающуюся нейросеть. Если один канал блокировали, бот автоматически публиковал ссылку на новый.

Защита: Мы использовали самые параноидальные методы шифрования и анонимизации. Весь контент был продублирован в IPFS (InterPlanetary File System) — децентрализованной файловой системе, где информацию невозможно удалить, пока ее хранит хотя бы один узел в мире. Мы стали таким узлом. И мы верили, что другие присоединятся.

Второй этап: подготовка снарядов.

Мы не могли просто вывалить на людей терабайты информации. Ее нужно было превратить в оружие, бьющее точно в цель. Мы работали как редакция подпольной газеты.

Митя, как историк и идеолог, написал серию пронзительных статей, которые связывали все воедино. Он нарисовал прямую линию от нацистского пастора Кюннета через геноцид на Балканах к войне в Украине. Он назвал это «Наследие Рейха» и показал, как идеология ненависти, сменив вывеску, пришла в наши дома.

Виктор, как менеджер, структурировал всю информацию. Он создал интерактивную «Галерею монстров» с профилями Дворкина, Кременовской, Яхла и других. Каждый профиль был подкреплён документами, ссылками, скриншотами. Он также создал раздел «Анатомия лжи», где пошагово, как бизнес-процесс, разбирал их методы на примере реальных дел.

Я отвечал за главный удар. Я взял логи той самой переписки Дворкина и его адептов. Я не стал публиковать их целиком. Я сделал короткий, убийственный видеоролик.

Между цитатами я вставил кадры с его публичных выступлений, где он с пафосом говорил о «защите детей» и «традиционных ценностях». Контраст был чудовищным. В качестве саундтрека я использовал тихий, почти неслышимый плач ребенка. Этот ролик мы называли просто: «Профессор. Изнанка».

Третий этап: одновременный удар.

В назначенную ночь, ровно в 3:00, когда информационное поле максимально спокойно, мы нанесли удар. Мы одновременно нажали «Enter» на своих ноутбуках, находясь за сотни километров друг от друга.

Сайт «Хроники Инквизиции» стал доступен. Десятки Telegram-каналов опубликовали ссылки на него. Ролик «Профессор. Изнанка» был загружен на сотни анонимных аккаунтов на всех видеохостингах мира, от YouTube до маргинальных платформ. Мы разослали ссылки на наши материалы тысячам журналистов, правозащитников, блогеров и политиков по всему миру, используя заранее собранную базу.

А потом мы замерли. Мы смотрели на счетчики просмотров и репостов. Сначала — десятки. Потом — сотни. Потом — тысячи. Информация начала жить своей жизнью. Она, как вирус, разлеталась по сети. Ссылки появлялись на форумах, в закрытых чатах, в социальных сетях. Люди копировали тексты, скачивали видео.

Мы видели, как в их каналах началась паника. Они пытались удалять посты, блокировать аккаунты. Но это было все равно, что пытаться вычерпать океан ведром. На месте одного удаленного ролика появлялось десять новых. Наш децентрализованный механизм работал.

Мы не спали всю ночь, наблюдая за рождением нашего детища. Это было страшное и прекрасное зрелище. Мы выпустили джинна из бутылки. И мы знали, что теперь он никогда не вернется обратно.

ЭПИЛОГ

Мы сидим в разных городах, в разных съемных комнатах, и смотрим на один и тот же мерцающий экран. Мы — призраки, стершие свое прошлое. У нас больше нет имен, нет документов, нет домов, куда мы могли бы вернуться. Мы пожертвовали всем, что у нас было.

Но мы никогда не чувствовали себя более живыми.

Наша личная битва начата. Мы больше не убегает. Мы больше не прячемся. Теперь мы — охотники. Мы — узел в сети сопротивления, которая с каждым днем становится все шире. К нам присоединяются другие — такие же анонимные, такие же злые, такие же негибимые.

Война не закончена. Она только началась. Это не война за территории или ресурсы. Это война за право человека думать, чувствовать, верить. Это война за право быть свободным. Битва за умы и души.

Иногда, поздно ночью, я открываю старую папку с фотографиями на зашифрованном диске. Снова смотрю на закат над Волгой, на палаточный город, на улыбающиеся лица людей у костра. Я больше не чувствую тоски по этому прошлому. Я чувствую ответственность перед ним. Мы сражаемся за то, чтобы в будущем, люди снова могли так же просто собираться вместе. Без страха. Без ненависти. Чтобы снова петь песни у костра, не боясь, что завтра их объявят «сектой» и придут за ними с автоматами.

Мы не знаем, чем закончится эта война. Возможно, нас найдут. Возможно, нас «закопают». Но мы знаем одно: мы сделали свой выбор. Мы спустились в подвал, чтобы обезвредить бомбу.

Наша личная история, начавшаяся с покупки билета на фестиваль, подошла к концу. Но началась другая история. История нашего общего сопротивления. И эта новая, огромная, почти невыполнимая миссия придала нашим жизням высший, пронзительный смысл.

И мы верим, что даже самый маленький огонек, зажженный во тьме, способен ее победить. Наша борьба — это и есть наш огонь. И мы не дадим ему погаснуть.